ПРОСТРАНСТВА ПРАЗДНИКА

ГОРОДСКИЕ ТАКТИКИ

№3

ПРОСТРАНСТВА ПРАЗДНИКА

АЛЬМАНАХ МИНСКОЙ УРБАНИСТИЧЕСКОЙ ПЛАТФОРМЫ

АВГ. 2015

ПРЕДИ-СЛО-ВИЕ

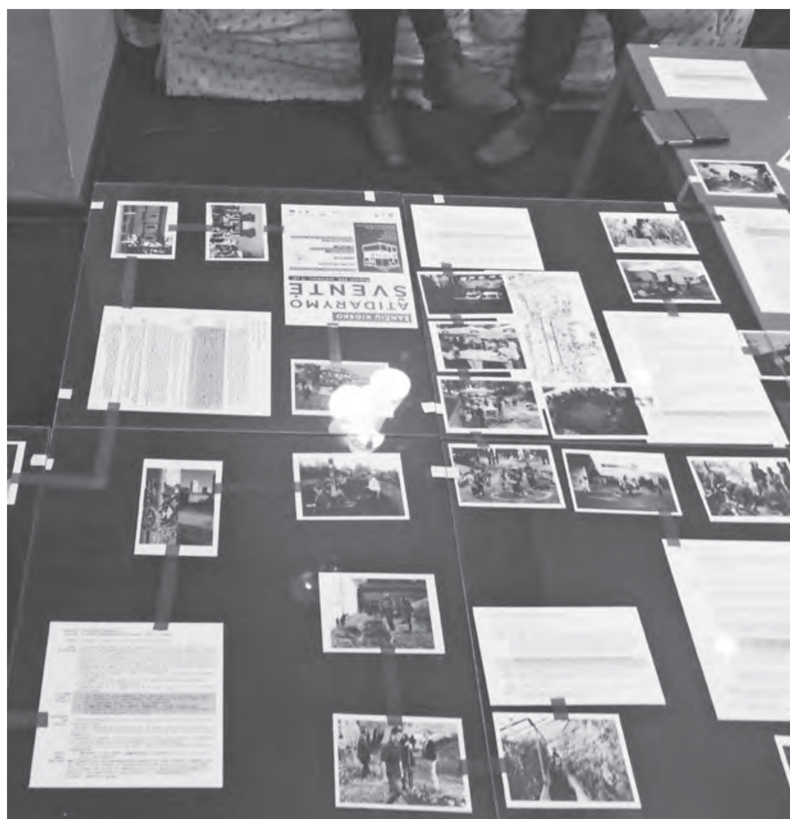

Поводом для этого номера послужил прошедший в 2014 г. в Минске Чемпионат мира по хоккею, сопровождаемый большими инвестициями в городскую инфраструктуру, изменениями в социальном и культурном пространстве города. Несмотря на то, что некоторые из этих изменений носили временный характер, прошедший чемпионат впервые поднял вопрос о значении мега-ивентов для городского пространства Минска, заставив обратить внимание и на другие, менее крупные события, происходящие в беларуских городах.

Далеко не всегда однозначные, их последствия структурируют не только городскую повседневность, но также производят материальную инфраструктуру, социальные и пространственные связи и иерархии в городе. Одним из факторов, определяющих значение события и саму его возможность, является доступ к городскому пространству как ресурсу, который позволяет организовать событие определенного масштаба и использовать его как инструмент.

Другим важным фактором представляется способ организации городских мероприятий, инициатива проведения которых может идти как от активных жителей, лишенных доступа к властным и экономическим ресурсам, так и от государственных институций или коммерческих компаний.

Обращая внимание на эти два фактора, мы бы хотели поговорить о значении праздников разных масштабов для городской среды и о смыслах, которые они производят. Начиная с масштаба международного мега-события, представляющего интерес для крупных финансовых и административных игроков, фокус внимания в этом номере смещается на события меньшего размера, организованные небольшими группами горожан, ставящими перед собой социальные и культурные цели.

В современном беларуском контексте изменение масштаба события от крупного к локальному совпадает с переходом от саморепрезентации власти к (само-)репрезентациям различных социальных и профессиональных групп. При этом вписанность в общеполитические структурные условия с их культурными ценностями и смыслами является фоном, на котором городская официальная и альтернативная событийность разворачивается и образует пространства праздника.

/ АНДРЕЙ КАРПЕКА /

МЕГА-ИВЕНТЫ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ГОРОДА

/ АВТОР: ДМИТРИЙ БИБИКОВ /

ЧТО ДЛЯ ВАС ПРАЗДНИК?
Праздник — это когда все веселятся и празднуют.

КАКИХ ПРАЗДНИКОВ/СОБЫТИЙ НЕ ХВАТАЕТ ВАШЕМУ ГОРОДУ?
Не хватает местных маленьких праздников.

БЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕЛАРУСКИХ ПРАЗДНИКАХ? ПОЧЕМУ?
Не бываю, т.к. там нечего делать.

Цель статьи — описание принципиальной роли мега-ивентов в стратегическом планировании городов и обзор Чемпионата мира по хоккею–2014 в этом ключе. Сама стратегия использования мега-ивентов в качестве катализаторов городского развития сравнительно нова, материалы в этой области противоречивы и зачастую тенденциозны. Представляется своевременным введение в дискуссию о прошедшем событии концептуальной рамки, способной обогатить понимание произошедшего и дать возможность лучше оценить роль ЧМХ–2014 в долговременном развитии города Минска.

ОПИСАНИЕ СТРАТЕГИИ

Мега-ивенты превратились в инструмент для крупномасштабных проектов реконструкции городских пространств. Хотя этот подход заключает в себе высокий риск, потенциальные краткосрочные и долгосрочные выгоды в плане городского преобразования могут быть значительными. Мега-ивенты мирового значения, такие как Всемирные выставки и Олимпийские игры, подразумевающие крупномасштабные инвестиции в инфраструктуру, играющие важную роль для медиа, стали инструментами в области городского планирования: они создают фокус для крупномасштабного редевелопмента территорий и обновления частей города, которые могут создать как долгосрочные выгоды, так и стать источником проблем для принимающего города.

Увеличение роли мега-ивентов в городской политике является результатом действия различных процессов, связанных с глобализацией экономики. Переход от индустриальной к постиндустриальной экономике с помощью новых технологий, глобального рынка и дерегулирования создали новый набор задач, стоящих перед градостроителями. Различные виды деятельности, основанные на потреблении, такие как сфера услуг и туризм, стали все более значимыми и растущими секторами глобальной экономики, однако такие виды бизнеса не обязательно стремятся в старые промышленные районы и города. Задачей градостоителей в бывших промышленных и менее благополучных районах стал поиск способов, которыми могут быть реализованы крупные проекты ревитализации городов. Проекты, призванные трансформировать заброшенные и загрязненные районы городов в привлекательные места, которые новые предприятия растущих секторов экономики будут рассматривать как желаемые для своей деятельности. Стратегия мега-ивента в основном заключается в том, чтобы использовать его как двигатель развития города, средство создания ориентиров для привлечения глобальных инвестиций, содействия ускоренному развитию и продвижению нового образа города с помощью маркетинга территорий.

Кроме того, возникают иные методы управления городом со стороны местной и центральной власти на быстрых, продуманных и более удачных предпринимательских подходах к использованию возможностей, возникающих в ситуации подвижных глобальных рынков.

Для того, чтобы снизить часть экономического, экологического, социального и политического давления в городе, акцент в стратегическом пространственном планировании ставится на продвижении определенных ключевых мест города. Во многих западноевропейских странах традиционный подход к пространственному планированию, ориентированный на контроль землепользования через систему зонирования, был сочтен недостаточным для реализации политики планирования города. В последнее время применяется подход, рассматривающий развитие города как процесс.

Таким образом, с одной стороны мега-ивенты становятся все более значимыми для развития города, с другой стороны города все активнее используют их в качестве инструментов решения внутренних проблем и привлечения ресурсов и внимания извне.

МИНУСЫ И РИСКИ МЕГА-ИВЕНТОВ

01 Неочевидное распределение выгоды. Социальная несправедливость.

02 Реалистичная и заблаговременная оценка бюджета зачастую невозможна, что приводит к превышению бюджетов. Большие потери и перерасходы возникают со стороны государства, в то время как выгоды оказываются на стороне крупных корпораций. В результате местные правительства вынуждены снижать расходы на социальное обеспечение и образование ради создания инфраструктуры мега-ивента.

03 Жизнь объектов после мега-ивента: их адаптация и финансовая устойчивость может быть спорной. Мега-ивенты зачастую имеют стратегический масштаб, но не всегда все последствия просчитываются с необходимой кропотливостью и участием всех заинтересованных сторон.

04 Организационные комитеты и сторонники мега-ивентов имеют тенденцию к преувеличению положительных и недооценке негативных последствий. Анализ как материальных, так и нематериальных эффектов может быть затруднен. Суждения об эффективности события в создании желаемых городских изменений зависят от того, с чьей перспективы будет рассматриваться вопрос — будь то, например, девелоперы, проектировщики, бизнесмены или местные жители. Это означает, что доказательная база, основанная на прошедших мега-ивентах, исходя из которой прогнозируются будущие, может быть подозрительной и ненадежной.

05 Всплеск бизнес-активности в преддверии и после мега-ивента может оказаться недолговременным. Влияние на промышленность, как правило, незначительно: рабочие места, созданные событием, могут просуществовать недолго. Нельзя не учитывать стоимость «упущенных возможностей», вызванных переносом финансирования исключительно или в значительной степени на поддержку мега-ивента.

06 Положительное влияние на туристическую индустрию может быть кратковременным. Зачастую оно может выразиться лишь в перераспределении туристических потоков в пространстве и времени, не давая суммарного и долговременного прироста и даже отталкивая часть потенциальных туристов из-за угрозы чрезмерной концентрации туристических потоков и роста цен.

07 Влияние на население: разрушение сообществ, выселение, недостаточные компенсации. Неопределенность перспектив в период после ивента: «олимпийские деревни» близкие по судьбе к потемкинским. Рост цен на жилье.

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ

01 Широкие инвестиции в туризм, транспорт и улучшение качества городской среды.

02 Ускорение процессов реализации проектов в силу четкого и несдвигаемого дедлайна.

03 Внедрение предпринимательского подхода к развитию города: социальный капитал в виде новых навыков и опыта у сотрудников и новые деловые связи между различными государственными и частным предприятиями.

04 Возможность создать имидж прогрессивного и активного государства/города в сфере инноваций. Строительство суперсовременных зданий, акцент на экологичность и устойчивое развитие.

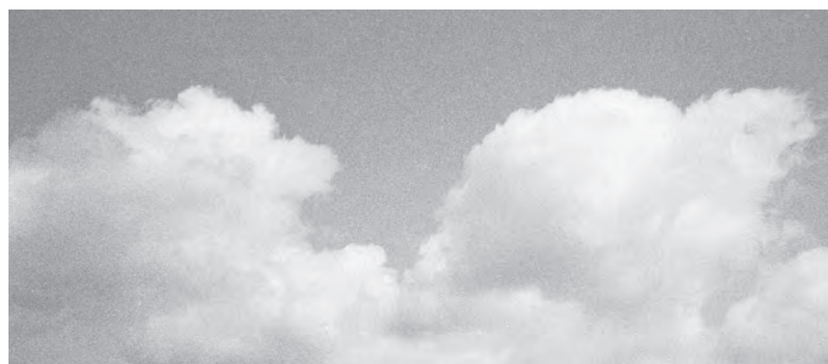
ВЫВОДЫ

Как материальные, так и нематериальные выгоды от проведения мега-ивентов не возникают автоматически, они должны быть запланированы и интегрированы в стратегии долгосрочного развития. Обеспечение эффективного использования «наследия» мега-ивента, такого как новый образ, новые навыки и знания у представителей государственного и частного сектора, возникновение новых организаций, могут быть одним из самых значительных позитивных последствий проведения мега-ивента.

Обзор описанных методов использования мега-ивентов и анализа их эффективности, приложенный к Чемпионату мира по хоккею–2014 в Минске (ЧМХ–2014), позволяет сделать некоторые выводы:

1

ЧМХ–2014 не был использован для презентации и внедрения новых качеств города — эко-ориентированности и устойчивого развития.

2

ЧМХ–2014 не оказал большого воздействия на местные сообщества, поскольку строительство объектов происходило на незаселенных территориях.

3

Строительство специализированныхх объектов: Минск-арена уже была построена, Чижовка-арена стала значимым общественным центром удаленного и малопрестижного района города. Важность ЧМХ–2014 для ускоренного строительства гостиниц трудно оценить, так как значительная часть объектов была завершена после данного события.

4

Влияние ЧМХ–2014 на инфраструктурное развитие, возможно, выразилось в ускорении строительства станции метро Малиновка и реконструкции проспекта Дзержинского. Впрочем, оба объекта были бы реализованы и вне подготовки к ЧМХ–2014.

В целом в силу заниженных амбиций ЧМХ–2014 по сравнению с Олимпиадами или Всемирными выставками, его влияние на пространственное развитие Минска было достаточно ограниченным и выражалось преимущественно в ускорении строительства объектов, которые были бы возведены и без мега-ивента.

КУДА И ЗАЧЕМ ПЕРЕЕЗЖАЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СПОРТ?

В прошлом году в канадском издательстве «Presses de l'Université de Québec» вышел сборник статей под названием «Les nouvelles territorialités du sport dans la ville». Одна глава в нем посвящена феномену делокализации крупных спортивных соревнований из американских и западноевропейских городов в города третьего мира: Рио-де-Жанейро, Куала-Лумпур, Йоханнесбург и т.д. О спортивных мегасобытиях и пойдет речь в этой рецензии.

На основе анализа исторических и экономических сведений, связанных с организацией и проведением чемпионата мира по «Формуле 1», теннисного турнира «АТР Мастерс 1000», а также Олимпийских игр, коллектив исследователей попытался ответить на следующие вопросы: почему и каким образом развивающиеся города борются за право организации спортивных мега-событий (mega events)? Действительно ли мега-события приносят прибыль? Каковы социальные последствия организации крупного спортивного мероприятия?

Авторы публикации, Сильвиан Лефевр, Роман Ру и Жан-Марк Аджизиан основной причиной «переезда» профессионального спорта на новые территории считают отнюдь не олимпийские идеалы, но логику мирового капитала, основанную на конкуренции и сверхприбыли. Речь идет, прежде всего, об интересах международных спортивных организаций, строительных и туристических компаний, телевидения, инвестиционных фондов.

Так, **первый пример,** приведенный авторами, демонстрирует, что, перенеся один из этапов «Формулы 1» в южнокорейский город Йонам, обе стороны — крупный бизнес и организаторы — оказались в выигрыше. Бизнес получил серию заказов от правительства и местной администрации, а организационный комитет — возможность повысить стоимость и престиж

/ *АВТОР: ВИТАЛИЙ ЩУЦКИЙ /*

ЧТО ДЛЯ ВАС ПРАЗДНИК?
Для меня настоящий праздник связан с семейными ритуалами. Каждый год вместе с семьей я отмечаю Рождество, дни рождения, Пасху, Радуницу. Есть и такие праздники, которые важны лично для меня и в которых я участвую, чтобы проявить свою гражданскую позицию. К ним относятся, например, Международный день прав человека, День родного языка, День Европы. Ну и наконец, праздниками для меня являются любые памятные события, дни и моменты, которые хочется провести как-то особенно.

КАКИХ ПРАЗДНИКОВ/СОБЫТИЙ НЕ ХВАТАЕТ ВАШЕМУ ГОРОДУ?
Не хватает праздника соседей, дня музыки, а также дня всемирного наследия, во время которого можно было бы ближе познакомиться с историческими местами и архитектурой города.

БЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕЛАРУСКИХ ПРАЗДНИКАХ?
Да, иногда бываю. На Дне города, например. Для меня официальный праздник — еще один повод для встречи с друзьями. Недостаток официальных праздников — в их плохой организации и чрезмерном контроле со стороны администрации. На улицах появляется толпа милиции, транспорт не справляется с потоками людей, лица у всех уставшие и напряженные. Из-за этого пропадает радостная атмосфера.

мероприятия. Сегодня, чтобы получить право на проведение «Формулы 1», городу необходимо потратить около 500 миллионов долларов. Это на 70% выше, чем в 1990 г. Как отмечают авторы статьи, многие западноевропейские города, для которых «Формула 1» была традиционным событием, уже в ближайшем будущем рискуют его потерять. В отличие от ближневосточных и азиатских городов, новая цена для них недоступна. Если в 1950 г. 90% всех соревнований по «Формуле 1» проходили в Европе, то сегодня эта доля сократилась до 40%.

Интересен тот факт, что за проведение соревнований по «Формуле 1» борются не только стремительно развивающиеся столицы, но и города, в которых раньше было сосредоточено важное индустриальное производство и которые сегодня нуждаются в новых инвестициях и планах развития. В этом есть своя логика. Во-первых, крупные спортивные события влияют на распределение глобальных туристических потоков. Во-вторых, организация мега-событий позволяет продемонстрировать уровень безопасности и инвестиционные возможности региона. Для развивающихся стран безопасность имеет ключевое значение. При помощи мега-событий города с низким индексом человеческого развития, высокой преступностью или просто плохой репутацией получают шанс привлечь международных инвесторов.

2

Второй пример, который рассматривают в своей работе исследователи, касается профессионального тенниса. За последние двадцать лет количество соревнований «ATP Мастерс 1000» в Европе и Америке резко снизилось. Начиная с 2010 г., каждое пятое соревнование турнира проходит на новой территории и в новом формате «jet-set», то есть как предлог для внеочередной встречи финансовой элиты (например, соревнования в Доха, Дубае и Шанхае). Как и «Формула 1», соревнования по теннису доказывают, что mega events являются дорогим аксессуаром для города. И отныне на его обладание претендуют не только западноевропейские города, но и все те, кто готов предложить бóльшие награды спортсменам, а также развитую туристическую инфраструктуру.

Туризм и индустрия развлечений развиваются параллельно спортивным мега-событиям. Парки развлечений, казино и т.д. часто строятся одновременно со стадионами. Так, например, Йоханнесбург, после того как получил право организации турнира «Мастерс 1000», сразу же начал строительство огромного развлекательного комплекса по образцу Лас-Вегаса и Орландо.

3

Третий пример затрагивает проблему социальных и экологических последствий делокализации крупных спортивных соревнований на периферию западного мира.

Согласно авторам статьи, при создании инфраструктуры очередного мега-события экология, а также уровень жизни и права горожан не только не берутся в расчет, но ими откровенно пренебрегают.

Наиболее показательны в этом смысле олимпийские игры в Пекине и подготовка к олимпийским играм в Рио-де-Жанейро в 2016 г. К этому списку можно смело добавить прошедшие зимние игры в Сочи.

Если сравнить бюджеты китайских и бразильских олимпийских игр (по крайней мере, декларируемые), то можно посчитать, что для организации мероприятия подобного уровня в не-западном городском пространстве необходимо инвестировать как минимум 20 миллиардов долларов. Олимпийские игры и мега-события превратились в удобный предлог для масштабных городских проектов, реконструкций и создания новой городской структуры. В случае с Китаем проведение олимпийских игр стало символом перехода страны к постиндустриальной экономике, основанной на туризме, финансах и производстве услуг. Затраты на их организацию превысили все вместе взятые бюджеты олимпийских игр начиная с 1984 г. При помощи этого мега-события Китай окончательно утвердился в сознании западной политической элиты как суперсила на мировой арене. Тем не менее, за этим «успехом» скрывается урон, нанесенный окружающей среде, и принудительное переселение более 300 тысяч человек.

В целом организация Олимпийских игр в Пекине, а также текущая подготовка к играм в Рио-де-Жанейро характеризуются авторитаризмом со стороны как местных властей, так и Олимпийского комитета, который из-за сжатых сроков реализации подготовительных работ подталкивает местные власти к радикальному и неправовому разрешению возникающих проблем.

Подготовка к олимпийским играм в Рио и Пекине вызвала радикальные изменения в управлении городом. Были разработаны новые или изменены старые законы, городские планы, муниципальные постановления, горожане подверглись конфискации имущества. Эти изменения происходили под прикрытием риторики об улучшении уровня жизни населения и выгоде мега-событий для городской экономики.

На самом деле в результате организации олимпийских игр в Китае и Бразилии уменьшилась публичная сфера и роль граждан в управлении городом, возросло социальное неравенство.

Чтобы описать характеристики городских территорий, куда «переезжает» профессиональный спорт, авторы статьи предлагают использовать понятие «ville émergente-dominante», которое можно перевести на русский как «развивающийся доминирующий город». Имеются в виду, прежде всего, доминирующие в финансовом плане ближневосточные и азиатские города.

Новое понятие включает следующие характеристики: многомиллионный город; быстрый экономический рост в 1990-х, часто основанный на продаже природных ресурсов; либеральная экономика при сохранении административного и политического контроля центральной власти; ключевая роль в развитии региона; стремление привлечь глобальные финансовые потоки за счет огромных «демонстративных» инвестиций.

Новое понятие, как утверждают авторы, имеет ряд преимуществ. Во-первых, оно учитывает политические и культурные аспекты новых городских территорий и тем самым противостоит понятию Саскии Сассен «глобальный город», основанному на экономических и финансовых показателях. Во-вторых, по мнению авторов статьи, понятие «ville émergente-dominante» помогает лучше раскрыть специфику мега-событий. Последние используются городами как витрина или как инструмент для того, чтобы усилить инвестиционную привлекательность, а также стать заметнее на мировой арене.

Несмотря на простоту и ясность основного тезиса (спорт переезжает в города с большими деньгами и со слабой публичной сферой), к тексту канадских авторов, и, в частности, к введенному ими понятию «ville émergente-dominante» можно сделать ряд критических комментариев. Так, например, авторы публикации опираются на миросистемный анализ И. Валлерстайна. Однако, на мой взгляд, неомарксистская теория не до конца раскрывает все тонкости экономической и культурной глобализации. Конкуренция между городскими территориями существует довольно давно, и остается непонятным, как она изменялась, почему сегодня на первом плане оказались именно мега-события с их привязкой к спорту.

Далее, как обычно это случается в подобных публикациях, особенности не-западных регионов просто стираются короткой аббревиатурой «BRICS» или такими эпитетами как «развивающийся», «переходный» и т.д. Частота использования термина «развивающийся» как будто бы намекает на то, что однажды эти регионы могут «догнать запад», стать «развитыми» или «нормальными». К сожалению, данная терминология игнорирует специфику анализируемого предмета, отдаляя нас от его сути.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ ДЛЯ БЕЛАРУСИ

Вопросы, которые затронули в своей статье Сильвиан Лефевр, Роман Ру и Жан-Марк Аджизиан, особенно актуальны для Беларуси в контексте прошедшего чемпионата мира по хоккею. Если опираться на выводы статьи, то получается, что Беларусь по сути пригласили в клуб «богатых авторитаризмов». Непонятно, как это произошло, ведь беларуские власти, в отличие от Китая или ОАЭ, не могут похвастаться значительным экономическим ростом. Поэтому предоставление Минску права на проведение чемпионата мира по хоккею с точки зрения канадских исследователей должно выглядеть парадоксальным.

С другой стороны, Минск частично подпадает под описание «нового доминирующего города». Например, стоит принять во внимание экономический рост за счет дешевой российской нефти и кредитов; принудительное выселение граждан; волюнтаристское изменение городских планов; ускоренное развитие туристической инфраструктуры и сферы услуг; авторитарные методы управления и неразвитую публичную сферу. Все эти характеристики беларуской столицы в какой-то мере приближают ее к ближневосточным и азиатским городам, куда чаще всего «переезжает» профессиональный спорт.

Сходство Минска с «новыми доминирующими городами» просматривается и в выбранной властями модели развития. Для того, чтобы приспособить свою экономику к глобальным туристическим потокам во время проведения чемпионата мира по хоккею, Минск прошел очередной этап «авторитарной модернизации». «Авторитарная» или, по удачному выражению политолога Павла Усова, «азиатская» модернизация становится тенденцией в Беларуси. Одной из ее особенностей является сохранение контроля со стороны государства за политической сферой при относительно слабом вмешательстве в экономические отношения. Опасность данного процесса заключается в том, что он происходит путем «копирования», а не публичного обсуждения социальных норм и моделей развития, нарушая при этом фундаментальные права и свободу граждан.

Наконец, книги вроде «Les nouvelles territorialités du sport dans la ville» помогают избавиться от иллюзии, что при выборе места проведения очередного спортивного мега-события международные комитеты руководствуются исключительно спортивными интересами во имя дружбы народов во всем мире. Чаще всего за их действиями скрывается сфера политических решений, лоббирование интересов крупных компаний, а также самолюбование авторитарных правительств.

ИСТОЧНИКИ:

1/ Оригинал рецензируемого сборника «Les nouvelles territorialités du sport dans la ville»

2/ *ВАЛЛЕРСТАЙН, И.* Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006

3/ *САССЕН, С.* Когда города значат больше, чем государства. «Новое время» 2003, №43

4/ *УСОВ, П.* Возможна ли модернизация Беларуси? «Новая Эўропа» [онлайн]. Доступ: http://goo.gl/l8o8gD

5/ Доклад комиссии по окружающей среде ООН «Independent Environmental Assessment: Beijing 2008 Olympic Games» [онлайн]. Доступ: http://goo.gl/ZXdd8

6/ Доклад Human Rights Watch «Олимпийские антирекорды. Эксплуатация трудовых мигрантов в ходе подготовки к зимним Олимпийским играм 2014 г. в Сочи» [онлайн]. Доступ: http://goo.gl/r1LydS

ПРОСТРАНСТВО ДНЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

День Независимости Республики Беларусь или День Республики, «главный праздник беларуской государственности» — один из самых масштабных, зрелищных и важных для беларуского идеологического аппарата праздников, разворачивающихся в городском пространстве Минска.

С 1991 г. День Независимости отмечался 27 июля, в день объявления независимости Беларуси после ее выхода из состава СССР. Но в 1996 г. (по итогам референдума и в результате президентского декрета) дата была смещена на 3 июля, день освобождения Минска от немецкой оккупации в 1944-м. Таким образом, восприятие государственной независимости стало относиться, прежде всего, к независимости столицы Беларуси (которая в то время находилась в составе СССР) от немецких оккупационных войск и к победе во Второй мировой войне, но не к образованию суверенного государства, отдельного от СССР.

В этом новом контексте значимыми становятся такие аспекты как победа, национальная мобилизация против врага, военная сила, советское наследие, коллективная память о прошлом.

/ АВТОР:
ОЛЯ СОСНОВСКАЯ /

ЧТО ДЛЯ ВАС ПРАЗДНИК?
Особое аффективное состояние и пространство.

КАКИХ ПРАЗДНИКОВ/ СОБЫТИЙ НЕ ХВАТАЕТ ВАШЕМУ ГОРОДУ?
Неформальных и самоорганизованных.

БЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕЛАРУСКИХ ПРАЗДНИКАХ?
Очень редко — из исследовательского интереса или из любви к китчу.

Традиционно в честь праздника в центральной части Минска власти проводят мероприятие, объединяющее парад войск и военной техники с театрализованным шествием, в котором встречаются армия, народная культура, спорт и достижения сельского хозяйства и промышленности. Это действо происходит в присутствии президента, членов правительства и прочих официальных лиц, а также ветеранов и жителей города, при соблюдении строгих мер безопасности.

До 2004 г. парад проводился на площади Независимости (до 1991 г. называвшейся площадью Ленина), построенной в качестве главной площади города и с 1934 г. принимающей парады Красной армии (с 50-х гг. до 1984 г. эта функция возлагалась на Октябрьскую площадь). Но последние годы парад проходит на проспекте Машерова у пересечения с проспектом Победителей, рядом с новым зрелищным мемориальным комплексом «Минск — город-герой», посвященным победе во Второй мировой войне.

В своей статье 2007 г. «Парад означающих: Белорусский опыт визуализации Дня независимости» Алексей Криволап аргументирует выбор другого места проведения парада следующим образом. Он характеризует новое пространство как относительно «стерильное» или нейтральное в символическом плане, в от-

личие от площади Ленина, т.е. свободное от знаков советского и поэтому более удобное для того, чтобы «контролировать и предупреждать нежелательные интерпретации». С помощью декораций, плакатов, флагов и самих участников парада, а также телесъемки это пространство легко трансформируется, заполняется нужными смыслами. Он утверждает, что «данный городской топос превращается в место зрелища и место осуществления власти» лишь раз в году, а все оставшееся время эта территория используется по-другому, не будучи нагруженной столь явными политическими смыслами.

Однако в последние годы эта часть города значительно трансформируется: возникает больше зданий и пространств, выполняющих функцию репрезентации власти и конструирования памяти о Второй мировой войне. Еще с 60-х гг. проспект Победителей, называвшийся в то время Парковой магистралью, активно застраивался и планировался как одна из самых престижных частей города. Здесь реализовывались наиболее современные на то время архитектурные проекты, такие как Республиканский Дом моделей (на котором накануне Олимпиады 1980 г. разместили горельефное панно «Солидарность», посвященное арабским революциям), Республиканский Дворец спорта, кинотеатр «Москва», гостиница «Юбилейная» и многоэтажные жилые дома (№ 5 и № 7). Также еще в советские годы в этой части города создавались места памяти о Второй мировой войне: Парк победы, открытый в 1945 г., и стела «Минск — город-герой», построенная в 1985 г.

В 2000-е гг. проспект снова начинает активно застраиваться, насыщаясь символами современной государственной идеологии. В 2005 г. проспект Машерова (т.е. бывшая Парковая магистраль) и улица Варвашени, вместе с рядом других Минских улиц, переименовываются по Указу президента (официально не имеющего таких полномочий) в проспект Победителей и проспект Машерова. Это решение позиционировалось как приуроченное к 60-й годовщине победы во Второй мировой войне и как ответ на многочисленные просьбы ветеранов и жителей Минска. В 2013 г. открываются Площадь Государственного флага и находящийся рядом с ней помпезный и крайне дорогостоящий Дворец Независимости. В 2014-м открывается Музей истории Великой Отечественной войны, образующий вместе со стелой и частично реконструированным парком Победы масштабный мемориальный комплекс.

Таким образом, это пространство города становится поверхностью репрезентации современных мифов беларуской власти, таких как великая победа во Второй мировой войне, единство беларуского народа и независимость. А во время парада, посвященного Дню независимости, эти значения актуализуются наиболее интенсивно. Алексей Криволап отмечает, что социальная и культурная функция созданного пространства состоит в том, «чтобы сделать видимыми и даже осязаемыми скрытые и неочевидные властные отношения». Место проведения парада становится точкой концентрации власти и пространством ее спектакля, материализации воображаемого о стране и нации. Хореография, используемая в спортивно-молодежном шествии — синхронные движения массы исполнителей, идентичных также внешне за счет одинаковых костюмов — демонстрирует представление о стране и нации как гомогенной.

Создаваемое городское пространство становится репрезентацией пространства всей страны как зоны консенсуса, а не зоны конфликта, и пространством конструирования этой иллюзорной однородности и солидарности.

Интересно, что эта часть городских улиц превращается в площадку для репрезентации всей страны, всей нации-государства: представляемое символическое пространство во много раз превосходит физическое пространство его реализации.

Формат военного парада как форма празднования государственной независимости (его продолжительность более чем вдвое превосходит спортивное шествие) под-

ИСТОЧНИКИ:

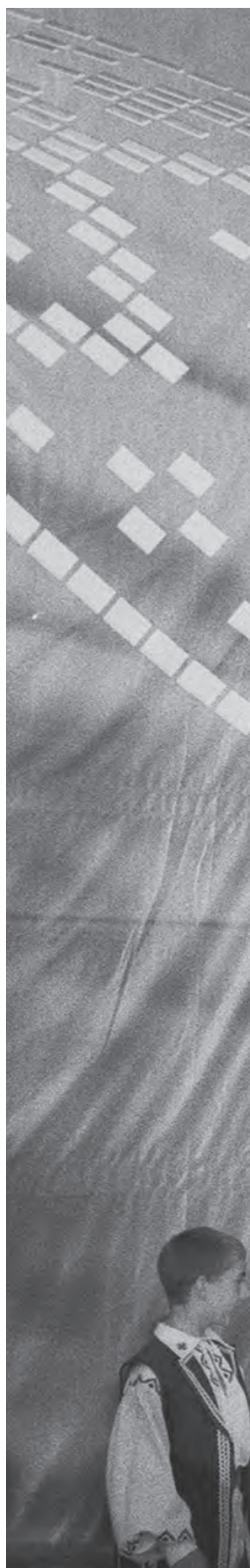
1/ *КРИВОЛАП, А.* Парад означающих: белорусский опыт визуализации Дня независимости. Белорусский формат: невидимая реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008

2/ *ХАРЕВСКИЙ, С.* Парковая магистраль. История главной улицы страны [онлайн]. Доступ: http://goo.gl/6kmfdy

разумевает милитаризм как важную часть государственной идеологии. А связь военной мощи и спорта усиливает акцент на физической силе как значимой для государства. При этом, играя, как известно, одну из ключевых ролей в государственной идеологии, спорт позиционируется властью не в качестве индивидуальной активности, а скорее, централизованной практики, ориентированной на достижения как источник национальной гордости.

Сам праздник прочно связан с советским наследием, как через используемые формы зрелища (т.е. военный и физкультурный парад и, в частности, такие его элементы, как «Беларуская Ваза»), так и исторически, т.к. памятная дата отсылает к периоду, когда Беларусь была частью СССР. При этом образуется шизофренический коллаж из советской идеологии прошлого и идей о независимой нации-государстве. Противоречиво также участие в параде российских военных и авиации, которое аргументируется их ролью в освобождении Минска от фашистской оккупации, а также тем, что Россия является стратегическим партнером Беларуси. Их присутствие ярко отражает сегодняшнюю политическую и экономическую зависимость Беларуси от России.

Пространство праздника довольно жестко структурировано и стратифицировано, оно разбивается на зоны различной степени доступности и предоставляющие различную точку зрения на парад. Самая привилегированная — платформа, расположенная у подножья стелы, с членами правительства и официальными лицами, которые имеют центральную перспективу на представление. Фактически, в физическом пространстве зрелище разворачивается, главным образом, для них, а для остального населения — по телевидению (ведь идея праздника — в участии и отнесенности к нему всей страны и ее жителей, однако главное торжество происходит в несравнимо меньшем пространстве, в присутствии значительно меньшего количества людей).
На противоположной стороне проспекта Машерова находится трибуна для ветеранов и других приглашенных гостей (стоит отметить, что ветераны не смешиваются с остальными присутствующими, а изолируются в отдельную группу). Остальные зрители стоят вдоль проспекта Победителей и на небольшом участке вдоль проспекта Машерова.

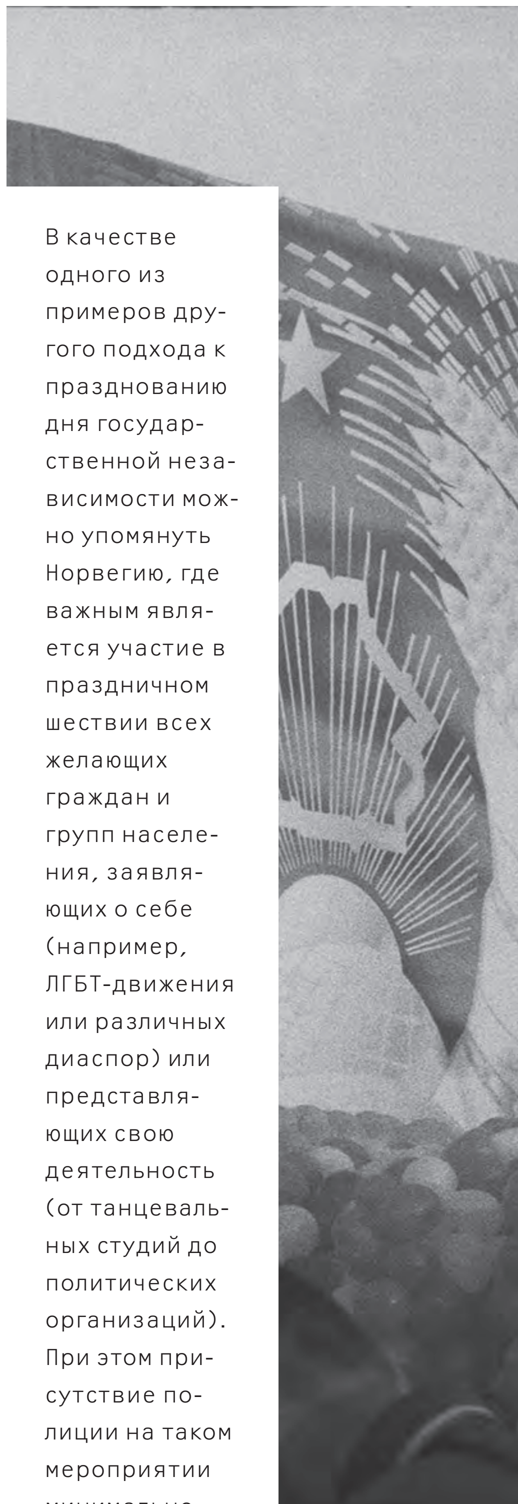
«Зона праздника» оцеплена металлическими ограждениями, и чтобы попасть туда, обывателям нужно пройти через несколько пунктов контроля и досмотра личных вещей, расположенных в определенных точках, потратив немало времени на ожидание в очередях или толпе. Спонтанность движения исключается — оно контролируется ограждениями и указаниями милиции (персональными или через громкоговорители), так что горожанам приходится еще и заранее продумывать свои маршруты, потому что даже перейти с одной стороны проспекта на другую иногда невозможно. Публику снимают на видео службы безопасности, их сотрудники в штатском рассредоточены вокруг.

Существует перечень вещей, которые запрещено проносить, например то, что может быть использовано в качестве оружия, алкоголь, а также профессиональные фотокамеры без аккредитации. Этот запрет объясняется требованиями безопасности, но также обнаруживает стремление власти к монополии на репрезентацию этого события и к ее контролю. В этой связи стоит отметить, что на физическое пространство накладывается дискурс, создаваемый медиа, ведь событие транслируется в прямом эфире. Однако существуют области, где участники и зрители смешиваются, где строгий порядок, кажется, распадается: например, за трибуной для ветеранов и приглашенных гостей скучающие участники рассредоточено бродят, отдыхают и развлекают себя играми среди блуждающих зрителей. Такие пространства невидимы, а значит, по сути неважны для телекамер и членов правительства. Они обнажают инертность работы официальных структур и включенных в нее агентов, подчеркивая, что создаваемый на экранах и перед глазами официальных лиц перфоманс — это только видимость, красивый фасад.

Конечно, такое масштабное и идеологически заряженное событие, как празднование Дня независимости, трансформирует повседневность горожан и привычное публичное пространство.

Можно сказать, что последнее практически нейтрализуется, захватывается у жителей за счет создания систем запретов: на передвижение и физическое присутствие в определенных местах (создаются контрольно-пропускные пункты и закрытые зоны), на несанкционированное и критическое политическое действие.

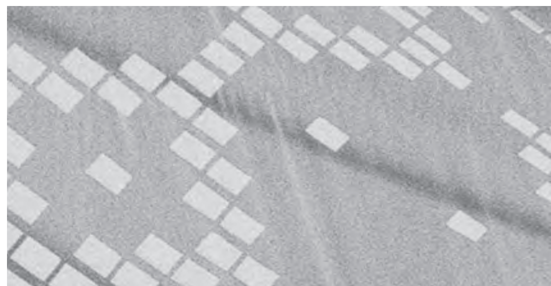
В качестве одного из примеров другого подхода к празднованию дня государственной независимости можно упомянуть Норвегию, где важным является участие в праздничном шествии всех желающих граждан и групп населения, заявляющих о себе (например, ЛГБТ-движения или различных диаспор) или представляющих свою деятельность (от танцевальных студий до политических организаций). При этом присутствие полиции на таком мероприятии минимально, а пространство праздника охватывает весь город и практически всех его жителей.

Единственным агентом в данном контексте являются официальные лица, включенные в государственный аппарат, и их действия строго согласованы и выверены. Горожанам, скорее, отводятся такие действия, как смотрение, присутствие и эмпатия.

Стоит задуматься: происходит ли вообще какая-либо солидаризация горожан и граждан вообще, присутствующих на празднике, и на каком уровне? Какого рода социальные связи и группы возникают? Тот факт, что большинство присутствующих на параде не видят его из-за специфики организации пространства, и по сути единственным общедоступным зрелищем является воздушный парад или трансляции на экранах, расположенных у проспектов, ставит под вопрос важность этого зрелища и визуального восприятия для присутствующих. Можно предположить, что намного более значимым оказывается осознание присутствия и сопричастности, совместное, разделяемое переживание пребывания в этом (идеологически заряженном) пространстве. Тем не менее, не стоит делать вывод, что этот опыт ведет к образованию тесных и долгосрочных связей и сообществ, — скорее всего, они существуют только в настоящий момент и могут также актуализироваться какое-то время после мероприятия.

Такого рода событие, будучи централизованным и полностью инициированным и контролируемым властью, не является средством влияния горожан на городскую политику и управление. Скорее наоборот — создание множества зон контроля и системы запретов на передвижение и активность вообще производит ощущение недозволенности, поднадзорности, пассивности и несамостоятельности, которое может впоследствии разрастаться на образ городского общежития вообще. Стоит, однако, задаться вопросом о стабильности этих трансформаций и о стабильности привносимых в данное городское пространство символических значений: актуализируются ли они только во время и накануне праздника, или же они надолго запечатлелись в этом пространстве?

Попыткой разрушить этот заданный порядок может быть создание альтернативных мероприятий, где будут проблематизироваться вопросы национализма и независимости, анализироваться официальное торжество, а также альтернативное использование этого пространства горожанами в течение оставшегося времени в году.

СЛАВЯНСКІ БАЗАР — ГОРАДАЎТВАРАЛЬНАЕ СВЯТА

Віцебск мае вобраз горада адной падзеі — фестывалю «Славянскі базар». Ён чвэрць стагоддзя цягне за сабой горад, у пэўны момант мінуўшы фішку «культурнай сталіцы Беларусі». Сёння гэта фэст з найлепшай у краіне інфраструктурай, а ў першы год гукавую апаратуру везлі за тысячу кіламетраў. Ён стаўся нагодай для адкрыцця помнікаў, рамонту бальніц і праспектаў, але, магчыма, і знішчыў нешта не менш важнае.

/ АЎТАР: РАМАН ВОРАНАЎ /

ШТО ДЛЯ ВАС СВЯТА?
Свята — гэта людзі, аўдыторыя, сабраная пад фармат свята.

ЯКІХ СВЯТАЎ І ПАДЗЕЙ НЕ ХАПАЕ ВАШАМУ ГОРАДУ?
Лакальных івэнтаў па сучасным мастацтве, кулінарных святаў, рамесніцкіх майстар-класаў, івэнтаў па ўцягненні новых прастораў (бераг ракі, цэх фабрыкі, пералесак і інш.)

ЦІ БЫВАЕЦЕ ВЫ НА АФІЦЫЙНЫХ БЕЛАРУСКІХ СВЯТАХ?
Не бываю. Шмат пафасу вакол малой дзейнасці, якую здолелі асіліць афіцыйныя органы .

АРХІЎНЫЯ АРКУШЫ

Гісторыя пачалася ў 1988 г. з «Усесаюзнага фестывалю польскай песні ў Віцебску». Мерапрыемства было адказам на фестываль савецкай песні, які больш за дваццаць гадоў ладзіўся ў польскім горадзе Зялёна Гура — пабрацімым Віцебску. Канцэрты зорак Польскай Народнай Рэспублікі, якія ў першую чаргу і згадваюцца гараджанамі, насамрэч толькі аздаблялі галоўную музычную частку фестывалю, а менавіта конкурс выканаўцаў. Адной з лаўрэатак 1988 г. была 19-гадовая Іна Афанасьева. Сёння на YouTube любы жадаючы можа ацаніць нядрэнныя здольнасці да польскай мовы ў беларускай спявачкі .

Другі і апошні польскі фэст прайшоў у 1990 г. Яшчэ праз два гады арганізацыі з незалежных Беларусі, Расіі і Украіны заснавалі Міжнародны музычны фестываль «Славянскі кірмаш». Менавіта пад такой назвай ён праходзіў у беларускамоўнай прадукцыі таго часу. Ужо на наступны год яна будзе сінхранізаваная з рускай, як «Славянскі базар». Паводле дырэктара Радзівона Баса, абмеркаванне назвы праходзіла ў Маскве нездалёк ад старой рэстарацыі з аналагічнай назвай. Новы брэнд спадабаўся не ўсім, сярод працоўных варыянтаў была «Новая Еўропа», а кампазітар Ігар Лучанок пазней прапаноўваў «Беларускую талаку».

Фестываль доўга стараўся трымаць агульнаславянскую марку. У 1994 г. асобныя дні мелі не толькі беларусы, украінцы і рускія, але балгарскі і польскі народы. У 2000 г. «Базар» збярэ прадстаўнікоў усіх славянскіх этнасаў свету, што станецца рэкордам. Тры вядучыя ад трох усходнеславянскіх краін цэлыя канцэрты вялі разам на родных мовах. З гадамі кактэйль казённага раўнапраўя быў разведзены «Днём Саюзнай дзяржавы», «Днём Масквы». У 2012 г. Аляксандр Лукашэнка ў прамове на адкрыцці надасць фэсту ўжо «еўразійскае» вымярэнне. А ў наступным годзе маскіроўка з днямі асобных славянскіх культур будзе знятая цалкам.

ДОМ, ЯКІ ЗБУДАВАЎ «БАЗАР»

Вобраз фестывалю ішоў неадрыўна ад яго галоўнай канцэртнай пляцоўкі — Віцебскага амфітэатра. Ён быў інсталяваны ў прыродны яр, утвораны старажытным Замкавым ручаём. Ручай калісьці абараняў сцены Ніжняга замка з усходняга накірунку і, з улікам пераважнага рэпертуару «Славянскага базару», гэтая акалічнасць цяпер выглядае жартам гісторыі.

Акрамя амфітэатра, збудаванага ў рэкордныя тэрміны для фестывалю польскай песні, у 1988 г. адкрываецца вялізны будынак Палаца культуры і тэхнікі прафсаюзаў, цяперашняя канцэртная зала «Віцебск». Горад у адзін момант атрымаў свае найбуйнейшыя відовішчныя пляцоўкі на бліжэйшае дзесяцігоддзе. Іх манаполія ў 1999 г. будзе падарваная Лядовым палацам, а ў 2000-х — гіганцкім клубам «Энергія».

Узмацненне «Славянскага базару» развівала амфітэатр і яго асяроддзе. Драўляныя лаўкі замянілі на пластыкавыя крэслы, колькасць месцаў давялі да сямі тысячаў, павялічылі адміністрацыйныя памяшканні і грымёркі, над гледачамі збудавалі пялёстак даху. Сёння пляцоўка абсталяваная самым якасным стацыянарным гукам у Беларусі, а ў 1992-м на першы фестываль апаратуру валаклі ажно з Івана-Франкіўска. Пасля рамонту ў кафэ «Маэстра» віцебляне пачалі праводзіць у ім вяселлі-юбілеі. Побач, нібыта для экспанавання падмуркаў Ніжняга замка, вырасла выставачная зала «Духаўскі круглік», але ці ўзвялі б яе, калі б не блізкасць да форуму і патрэба ў памяшканні для музея «Славянскага базару»?

Уплыў фестывалю на інфраструктуру горада не абмяжоўваўся амфітэатрам. У падручнік па вуснай гісторыі Віцебска, калі яго напішуць, мусіць ўвайсці фраза «зрабілі пад “славянку”». Чарговы раз змяняецца асфальт на вуліцы Леніна, рамантуюцца і фарбуюцца фасады будынкаў, на ходнікі кладзецца плітка, абнаўляюцца газоны. Жыхары горада ўжо і не прыгадаюць, што той ці іншы аб’ект быў уведзены ў зварот менавіта пад фестываль, пад візіт прэзідэнта беларускай дзяржавы, які, прыехаўшы на адкрыццё «Славянскага базару», не можа не перарэзаць дзе-небудзь стужачку. З гэтага шмат кпілі і кпяць, але ў сухой рэшце мы маем адрамантаваны **раддом, карпусы трэцяй гарадской бальніцы і цэлы праспект Перамогі,** пра адкрыццё якога ўжо мала хто памятае.

Фэст прыспешваў не толькі «сацыяльна значныя» аб’екты. **Помнікі Еўдакіі Лось і Уладзіміру Караткевічу, мемарыяльныя шыльды Нікіфароўскаму і Краснянскаму** адкрывалі ў фестывальныя дні. У 1996 г. былыя саляныя склады на Чайкоўскага прымаюць першую выставу. У 99-м мастакі трымаюць прамовы ля шыльды на сцяне нашага «Баўхаўза» — будынка, дзе працавала славутая Віцебская мастацкая вучэльня. У 2000-м адчыняецца Музей-сядзіба Іллі Рэпіна. Першы вулічны экран для трансляцый і той прыехаў у Віцебск на «Славянскі базар».

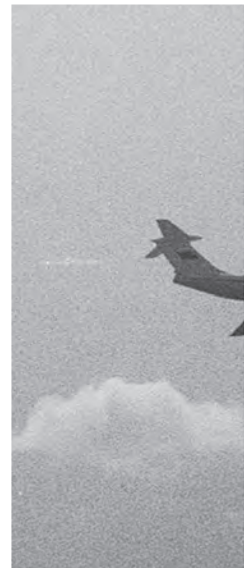
Горад напаўняўся новымі аб’ектамі паводле эфекту «Дажынак»: хутка, хоць нешта і пад нагоду.

Але ў адрозненне ад свята жніва, «Базар» даяжджаў да Віцебска рэгулярна і таму хоцькі-няхоцькі, а раз на год берагі Дзвіны мусілі напружыцца і нешта падараваць сваім насельнікам.

БЛІЗКАЕ ЗНАЁМСТВА З АФІЦЫЁЗАМ

У першыя гады жыхары карысталіся фэстам па-свойску. Тады віцьбічы — гэта збольшага гараджане ў першым пакаленні. Яны трансфармавалі «Славянскі базар» на свой капыл, ператварыўшы яго ў народнае свята з пасядзелкамі на абрусах і народнымі песнямі на кожнай палянцы. На тле эканамічных цяжкасцяў 90-х раз на год людзі гулялі як апошні раз. Ідучы на працу а шостай раніцы, можна было сустрэць не самотнікаў, а цэлыя кампаніі, якія дагульвалі з учорашняга. І ніхто не перашкаджаў. Больш за тое, змены ў гарадской публічнасці, якія рабіліся пад «Базар», таму толькі спрыялі.

Цэнтральныя магістраль горада — вуліца Леніна — перакрывалася на карысць пешаходаў. Пад падзеі аддаваліся ўсе магчымыя пляцоўкі: сквер Маякоўскага, плошча 1000-годдзя, помнік Караткевічу, плошча Свабоды. На вуліцы Ўзгорскай (яна ж — Суворава) штогод арганізоўваліся вернісажы мастакоў. Стала відавочным: кавалак старасвеччыны побач з ратушай нельга трымаць для аўтамабіляў. Праз некалькі год гэты раён будзе аддадзены пешаходам назаўсёды.

У згустку жыхароў прабіраліся вулічныя артысты. Osimira выступала пад вокнамі дырэкцыі фестывалю, непадалёк атабарваліся рыцары-рэканструктары, яшчэ далей нейкія скрыпачы, у «яме» побач з цяперашнім падземным пераходам да амфітэатра моладзь круціла брэйк. «Горад майстроў» куды ні адпраўлялі, ён паўсюль рабіў мястэчкавы кірмаш, дзе не прапіхнуцца.

Вольніца згортавалася паступова. Свята набрыняла ідэалогіяй, атрымлівала больш афіцыйнай увагі, уключалася ў міжнародныя палітычныя рэверансы.

Тут штогод выступаў прэзідэнт, віншаванні віцеблянам дасылалі яшчэ Ельцын і Кучма, колькі гадоў з «Базару» не вылазіў Павел Барадзін — тады сакратар гэтак званай «Саюзнай дзяржавы». Кульмінацыяй міжнароднай значнасці сталася 25 ліпеня 2001 г., калі крэслы ў амфітэатры занялі кіраўнікі Беларусі, Расіі і Украіны.

Лічыцца, што апошняй рысай пад «народнасцю» свята сталі турнікеты і рамкі металашукальнікаў, якія ў адзін год ахінулі цэнтр горада ў некалькі колаў. Але і без іх размах згасаў на вачах. За дзесяць-пятнаццаць гадоў узровень жыцця вырас. Беларусы наеліся-напіліся, з'явілася магчымасць набыць пральную машыну, потым шырокі тэлевізар, а потым і іншамарку з Клайпеды прыгнаць. Што стала сапраўды апошняй рысай, дык гэта крэдыт за двушку ў новым віцебскім раёне Білева. Ён вісеў сякеркай над сталамі з шашлыком і гарэлкай, у паўтары разы даражэйшай, чым у суседніх крамах. Абмежаванне спіртнога і рамкі з турнікетамі сталіся толькі дадатковым стымулам для таго, каб людзі рашыліся паўдзельнічаць у «Базары» адно шпацырам, марозівам і пластыкавым магніцікам на лядоўню. Гэтак народнае свята само па сабе трансфармавалася ў «празьнік» для турыстаў з Расійскай Федэрацыі.

ДУМКІ ЭКСПЕРТАЎ

Колькі існуе фестываль, столькі яго раюць змяніць, палепшыць ці закрыць. Пра тое, што «рэпертуар прыеўся» і «прыяжджаюць адны і тыя ж» газета «Віцебскі кур'ер» пісала яшчэ ў 1997 г., гэта значыць на шосты фестываль. Сёлета будзе дваццаць чацвёрты, а рахункі выстаўляюцца тыя ж: «Который год дежавю. Пора снимать "День сурка-2"» — піша карыстальнік angela devis на «Народных навінах Віцебска» да праграмы 2015 г.

Беларускія ўрбаністы бяруць шырэй і кажуць пра патрэбу змяняць ролю «СБ» у жыцці горада. **Сцяпан Стурэйка** ад'ездзіў у Віцебск усё дзяцінства і юнацтва да сваякоў. Сёння ён доктар этналогіі, выкладчык ЕГУ

і аўтар даследаванняў па рэнавацыі замкаў і ўрбаністычных зменах у малых беларускіх гарадах:

Сцяпан Стурэйка:

«Фестываль даўно сярод прагрэсіўнай моладзі ператварыўся ў прадукт іранічнага спажывання. Не, я не за тое каб гнаць адтуль усіх гэтых Валерый і Шуфуцінскіх. Хай былі б. Я да таго, што цэлы аграмадны пласт аўдыторы застаецца непакрыты. І гэта перспектыва для развіцця.

Яшчэ большай праблемай з'яўляецца невыразнасць агульнай канцэпцыі свята. Фестываль мусіць казаць нам нешта, што выцякае з дня сённяшняга. Казаць сваёй зразумелай фестывальнай мовай. А інакш з часам ёсць небяспека скончыць, як тая юрмальская "Новая хваля".

"Славянскі базар" — гэта сапраўды міжнародны івэнт, і ён мусіць убудоўвацца ў канцэпцыю турыстычнага развіцця ўсёй Віцебшчыны. Што замінае пару мерапрыемстваў правесці ў Полацку, Оршы ці тых жа Смалянах? Што замінае арганізаваць рэгіянальны турыстычны маршрут з курсуючым шатлам і зніжкамі ў гатэлях па прад'яўленні квітка? "Good deal!", — як сказалі б прадпрыімлівыя амерыканцы».

Гісторык і экскурсавод **Таццяна Касатая** цяпер жыве ў Гародні. Яна шмат робіць для гісторыка-культурнай спадчыны свайго горада, публікуецца па гарадской гісторыі, вучыцца ў варшаўскай аспірантуры, але вышэйшую адукацыю атрымлівала ў Віцебскім дзяржаўным універсітэце:

Таццяна Касатая:

«Файна было б аформіць "Горад майстроў" у выглядзе драўляных гадлёвых домікаў, як гэта папулярна ў розных краінах. Менск гэта ўжо робіць. Варта не забывацца пра майстар-класы па розных промыслах. Звяртацца да славянскіх кухняў і праводзіць дэгустацыі, гатаватанне.

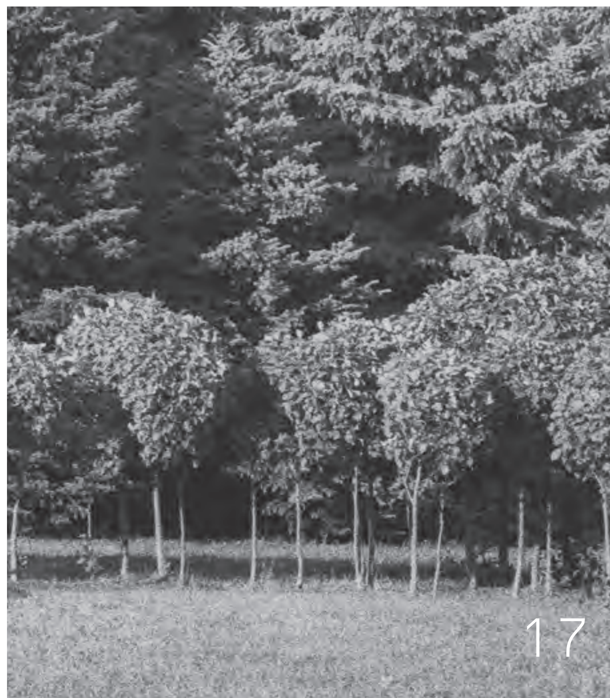
Важная ініцыятыва знізу: маленькія самаарганізаваныя пляцоўкі, вулічны тэатр, прагляд кіно на вуліцы.

Самае галоўнае — гэта дасягнуць, каб не Віцебск быў для "Славянскага базару", а "Славянскі базар" — для Віцебска. Каб ён падкрэсліваў адметнасць горада. Канцэпцыя гэтага фестывалю арыентаваная нібыта на яднанне славянскіх народаў, але на справе яна не працуе. Лепей, каб "Базар" ператварыўся ў гарадское мерапрыемства, каб яго каштоўнасць адчувалі гараджане. Але дасягнуць гэтага няпроста».

Усё ж, трэнд на тое, каб стаць вальнейшым і распусціцца сярод ініцыятыў гараджан, нібыта назіраецца апошнія пару гадоў. Патроху знікае адчуванне «Славянскага базару», як Ватыкана пасярод Рыма — аўтаномнай ад Віцебска і віцеблян прасторы са сваім урадам-дырэкцыяй, адмежаванай тэрыторыяй, пашпартамі-акрэдытацыямі, аховай і нават грашыма-«васількамі». Пераглядзеўшы досвед фестывалю, лёгка прасачыць, колькі лакальных рэчаў паўставала ў яго дні, колькі ініцыятыў рэалізоўвалася толькі таму, што «усе прыедуць» і «усе нешта робяць».

З году ў год горад падцягваўся пад свята, яно выхоўвала культурніцкую актыўнасць. Змест гэтай актыўнасці далёкі ад высокай культуры, што і няхай, бо свята народнае. Але і нашага беларускага коду там знаходзіш няшмат. Ідэалогія «Славянскага базару» абвяшчала ўзмацненне славянскіх культур, а на справе размыла іх у катле амфітэатра. У апошнія гады праца на тэме «дружбы народаў» ператвараецца ў цэлы квэст, і выхад на фестываль, збудаваны на дарожных камянях мясцовых адметнасцяў, быў бы нядрэнным выйсцем.

ФЕНОМЕН ВУЛІЧНЫХ ТЭАТРАЎ

Вулічныя тэатры: забава ці форма пратэсту? Мы паспрабавалі разабрацца разам з Таццянай Арцімовіч і Аляксеем Стрэльнікавым, у чым сутнасць вулічнага тэатра і ці ёсць прынцыповая розніца паміж выступамі ў залях і на гарадскіх плошчах.

/ ТАНЯ АРЦІМОВІЧ /

Тэма, наконт якой мне хацелася б паразважаць — гэта форумы вулічных тэатраў, якія ў нас праходзяць ужо колькі год, і феномен вулічнага тэатра ўвогуле. Таму што вулічны тэатр як такі, з аднаго боку, паняцце вельмі шырокае: яго можна разумець як тэатральную форму з пратэстнай, крытычнай мэтай, так і форму пэўнай атракцыі, то бок забаўляльнасці. Што тычыцца нашага кантэксту, па маім адчуванні, у нас пакуль можна адзначыць перагібы (гэта адносіцца ў тым ліку і да студэнцкага тэатра) менавіта ў бок атракцыйнасці. Людзі, якія займаюцца гэтым, забываюцца менавіта на вытокі, злучаныя з самім феноменам вулічнага тэатра.

Усё ж такі ён узнік, калі звярнуцца да тых жа скамарохаў (напрыклад, у выкананні Леаніда Быкава ў фільме А.Таркоўскага «Андрэй Рублёў»), як форма пэўнага пратэсту супраць улады (царкоўнай ці свецкай). Праз ігру, эзопаву мову, высмейванне (у карнавальным разуменні гэтага слова) акцёры звярталіся да публікі, расказвалі, што адбываецца на самой справе, пратэставалі. У прынцыпе, менавіта з гэтым звязваюць усплеск вулічнага тэатра ў сярэдзіне XX ст., які быў шчыльна звязаны з пратэстнымі студэнцкімі рухамі 1950–60-х. Такім чынам, рэвалюцыі адбываліся на шматлікіх узроўнях, у тэатры таксама, і выйсце на вуліцу было ў тым ліку дэкларацыяй права на горад. Моладзь, студэнты такім чынам праз сродкі тэатра пратэставалі і змагаліся за свае правы.

То бок той факт, што дзеянне адбываецца на вуліцы, не ёсць галоўная прыкмета таго самага вулічнага тэатра. Важна тое, як і з якімі сэнсамі і мэтамі тэатр выкарыстоўвае яе. Вуліца як публічная прастора, вуліца як метад судотыку з гледачом — і за ўсім гэтым стаіць вельмі сур'ёзны кантэнт. Заўважу, што я выступаю за **шматформеннасць** тэатра: ён можа і павінен быць атракцыйны ў тым ліку — але ў Беларусі назіраецца пэўны перакос. І таму я б акрэсліла тое, што можна пабачыць у нас, як, хутчэй, **форум тэатральных формаў**, якія выкарыстоўваюць вуліцу, адбываюцца на вуліцы, але ўсё ж гэта не той вулічны тэатр, пра які я казала вышэй.

Тэатр, які працуе з публічнай прастораю, мае магчымасць не толькі выкарыстоўваць яе інакш, але зрабіць пэўную дыягностыку кантэксту. Напрыклад, фармальна з правам на прастору можа быць быццам усё добра. Але калі мы пачынаем выкарыстоўваць яе, то сутыкаемся з пэўнымі забаронамі і абмежаваннямі, якія выявіць было магчыма толькі на практыцы. Так мы бачым межы нашай свабоды. У Беларусі падобныя выдарэнні ў горадзе і становяцца такой дыягностыкай (успомніць, напрыклад, акцыю мастака Міхаіла Гуліна «Персанальны манумент» у 2011 г.).

Таму, калі я назіраю за нашымі форумамі, з аднаго боку, я радуюся ініцыятыве энтузіястаў, з іншага — перажываю за тыя падмены паняццяў, якія можа не зразумець звычайная публіка з абмежаваным глядацкім досведам. Мяне парадаваў у гэтым плане загаловак артыкула на tut.by, прысвечаны мінуламу Форуму вулічных тэатраў, — «Маленький европейский оазис, окруженный милицией». То бок нашая публіка і журналісты ўсё ж крытычна падыходзяць да гэтых падзей. Яны ацэньваюць не толькі тое, што вось адбылося, было так весела, так класна, але таксама бачаць пэўныя неадпаведнасці. Аўтар таго артыкула ўвогуле дакладна акрэсліў сітуацыю і вызначыў важныя, на маю думку, моманты, якія акурат і ёсць той самай дыягностыкай.

1

Па-першае, словазлучэнне «**Маленький европейский оазис».** Зразумела, у нас формы вулічнага тэатра выкарыстоўваюцца ў тым ліку і для таго, каб маркіраваць горад як **еўрапейскі:** калі мы падарожнічаем, шмат цікавых падзей бачым у еўрапейскіх гарадах, асабліва сталічных, на вуліцы. Яны частка горада, менавіта ягонай штодзённасці. Тое, што там адбываецца кожны дзень, — гэта, хутчэй, атракцыйнасць, але яна — штодзённая. Гэта не свята, гэта не фестываль і не форум. Такім чынам, мы бачым, што беларусы бяруць гэтыя формы і спрабуюць, выкарыстоўваючы іх, утварыць падзею на адзін-два-тры дні, каб адчуць сябе еўрапейскім горадам. І гэта цікава, таму што форма бярэцца, але сутнасць ужо іншая: калі там гэта частка штодзённасці горада, то ў нас гэта — свята, што паказвае на пэўны рэпрэсіўны момант нашага кантэксту: горад нам не належыць, мы не можам ладзіць такія прадстаўленні кожны дзень, толькі час ад часу нам дазваляюць яго выкарыстоўваць.

/ АЎТАР:
ТАНЯ АРЦІМОВІЧ /

ШТО ДЛЯ ВАС СВЯТА?
Нешта, што выпадае з будзённасці горада, калі мы вядзём гутарку пра гарадское свята. І, падаецца, такія падзеі ёсць. Але з эстэтычнага пункту гледжання афіцыйнае гарадское свята — гэта найчасцей за ўсё піва, гарэлка і шансон, умоўна кажучы. Атрымліваецца, што «свае» святы я рэдка знаходжу ў прасторы горада — хутчэй у асобных яго прасторах.

ЯКІХ СВЯТАЎ/ПАДЗЕЙ НЕ ХАПАЕ ВАШАМУ ГОРАДУ?
Свабодных, калі казаць пра адчуванне ў паветры. І сапраўды начных — з нармальнай начной інфраструктурай. Здаецца, і тэатральныя падзеі ў нас ёсць, і музычныя, і кінападзеі. Але, папершае, альтэрнатыўныя падзеі (не госзамовы) адбываюцца пад больш пільным кантролем. Па-другое, немагчыма пазбавіцца пачуцця, што нам — дазволілі. І па-трэцяе, адчуваецца поўная адсутнасць інфармацыйнай падтрымкі з боку ўлад: публіка на альтэрнатыўных і афіцыйных падзеях найчасцей за ўсё кардынальна адрозніваецца.

ЦІ БЫВАЕЦЕ ВЫ НА АФІЦЫЙНЫХ БЕЛАРУСКІХ СВЯТАХ? ЧАМУ?
Не. Па-першае, эстэтыка не мая. Па-другое, нагоды таксама нейкія далёкія ад мяне. Хаця ў якасці даследвання гэта бывае цікава.

2

Па-другое, словазлучэнне **«окруженный милицией».** Яно таксама вельмі дакладна падкрэслівае той дазвол. На пару дзён вылучаюць нейкі аазіс, прычым маленькі, і Менск на некалькі дзён становіцца падобным да еўрапейскага горада. Але гэта аазіс, і ён акружаны міліцыяй. Што тут яшчэ цікава, калі мы вернемся да панятку вулічнага тэатра, то ў ім паміж акцёрам і публікай пасрэдніка як такога не можа быць. А калі стаіць жывы шчыт міліцыянтаў, то гэта ўжо нейкая перверсія, гэта — не вулічны тэатр: неабходны непасрэдны кантакт з публікай. Канешне, міліцыя ў якасці ахоўнага органа патрэбная, і напэўна, яна ёсць і ў заходнееўрапейскіх гарадах, але яе не бачна. Бо яны не павінны перашкаджаць і быць тварам мерапрыемства, у адрозненне ад таго, як гэта адбываецца ў нас.

3

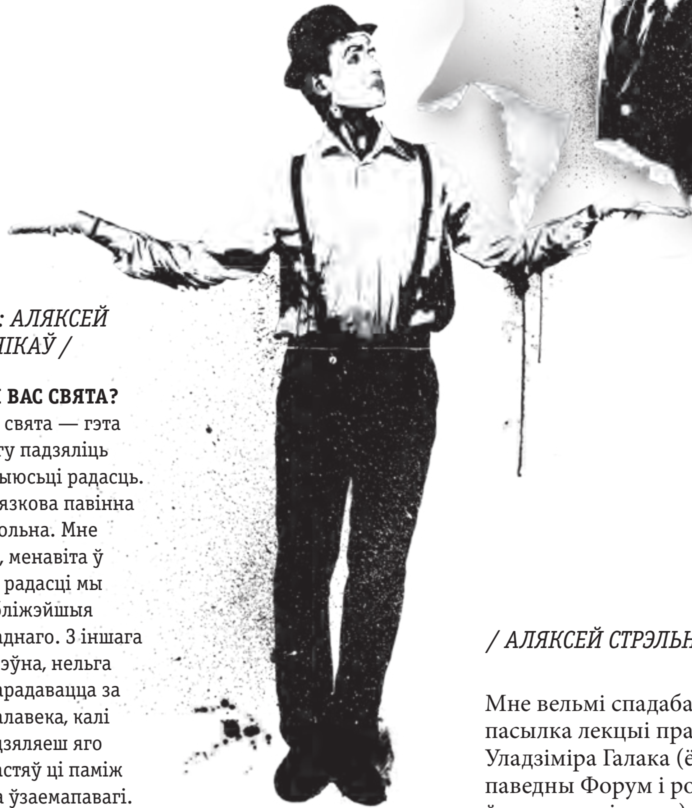
Па-трэцяе, слова **«оазис».** Слоўнік так тлумачыць гэтае паняцце: выспа з раслінамі ў пустыні. Гэта вельмі пасуе нашаму гораду: пяскі, пустыня, у якой на пару дзён з'яўляецца такая выспачка, і быццам выходзіць, што «зелені» ў нас хапае. Мне вельмі шкада, што людзям, якія арганізоўваюць гэтыя падзеі, бракуе крытычнасці. Гаворка не ідзе пра тое, каб жорстка патрабаваць і пратэставаць: мы добра ведаем правілы нашага кантэксту. Але мне падаецца, трэба быць рэалістамі, бачыць гэтыя хібы і спрабаваць, нават у нашым праблематычным полі, шукаць формы для пашырэння свайго права на горад. Не пагаджацца з тым, што проста дазволілі, а ў тым ліку фармаваць у гараджан адчуванне свайго права на такое будзёнае існаванне горада.

У мінулым годзе падчас дыскусіі, прысвечанай гораду ў межах Чэмпіянату свету па хакеі ў Менску, Гоша Заборскі, адзін з удзельнікаў, таксама ўзгадаў вулічны форум і адзначаў тыя забароны, з якімі сутыкаліся: на кожны крок трэба было браць дазвол. І тады ён падсумаваў свой выступ пытаннем, якое вельмі добра пасуе і зараз:

што мы атрымалі ў выніку? Свабоду ці рэпрэсіўны механізм?

Пытанне дагэтуль застаецца адкрытым. І па маім адчуванні, адказ, хутчэй, негатыўны, але, магчыма, таму, што мы не занадта крытычныя ў першую чаргу да саміх сябе.

/ АЎТАР: АЛЯКСЕЙ СТРЭЛЬНІКАЎ /

ШТО ДЛЯ ВАС СВЯТА?
Для мяне свята — гэта калі я магу падзяліць сваю ці чыюсьці радасць. Гэта абавязкова павінна быць супольна. Мне падаецца, менавіта ў агульнай радасці мы робімся бліжэйшыя адзін да аднаго. З іншага боку, напэўна, нельга шчыра парадавацца за іншага чалавека, калі ты не падзяляеш яго каштоўнастяў ці паміж вамі няма ўзаемапавагі.

ЯКІХ СВЯТАЎ/ПАДЗЕЙ НЕ ХАПАЕ ВАШАМУ ГОРАДУ?
Суседскіх, дваравых. Гэта не толькі маё меркаванне: я шмат чую прапаноў ад людзей, якія жывуць у панэльных мікрараёнах. Не хапае тэматычных святаў. Вось ёсць міжнародны дзень пошты ці дзень пажарных, і гэта магло б даць нагоду пазнаёміцца бліжэй з нашым паштовым аддзяленнем ці пажарнай станцыяй — аднак яны па сённяшні дзень застаюцца непрыступныя…

ЦІ БЫВАЕЦЕ ВЫ НА АФІЦЫЙНЫХ БЕЛАРУСКІХ СВЯТАХ? ЧАМУ?
Звычайна мне не дазваляе ўласны расклад. Я належу да катэгоры[і] людзей, якія працуюць дзеля адпачынку іншых.

/ АЛЯКСЕЙ СТРЭЛЬНІКАЎ /

Мне вельмі спадабалася зыходная пасылка лекцыі пра вулічны тэатр Уладзіміра Галака (ён арганізуе адпаведны Форум і робіць даследванні ў гэтым накірунку). Справа ў тым, што першы тэатральны будынак з'явіўся толькі ў XIX ст. То бок **тэатр існуе больш за дзве з паловай тысячы год, і толькі апошнія пяцьсот ён, што называецца, не «вулічны».**

Мне, дарэчы, пашчасціла пахадзіць па гэтым самым будынку. Тэатр «Алімпіка» ў Вічэнцы пабудаваў знакаміты архітэктар Андрэа Паладзія. І першае, што кідаецца ў вочы, гэта столь, распісаная аблокамі. То бок, адпачатку тэатр было цяжка ўявіць нечым такім у памяшканні, тэатр павінен быў быць пад нябёсамі.

Мая галоўная думка такая: **прынцыповай розніцы паміж вулічным тэатрам і тэатрам драматычным, тэатрам у памяшканні — няма. Акцёр не выходзіць на вуліцу, а вяртаецца на яе.** Акцёры сілкуюцца энергіяй вуліцы, энергіяй публікі. Пры тым, што традыцыйная тэатральная каробка дзеліць акцёраў і публіку «чацвёртай сцяной», сама ідэалогія традыцыйнага тэатра зыходзіць з таго, што ў лепшыя моманты акцёры і публіка яднаюцца ў катарсічным парыве. А на вуліцы яны адпачатку паяднаны, і гэта робіць працу акцёраў на вуліцы значна больш складанай.

Вельмі цяжка казаць пра нейкія вытокі вулічнага тэатра ў прынцыпе, пра нейкую асобую гісторыю развіцця гэтага віда тэатра, бо доўгі час ён заставаўся арганічнай часткай тэатра ўвогуле. І скамарохі, ваганты з камедыянтам дэль артэ разам спрыялі таму, што ў нас з'явіўся вось такі псіхалагічны тэатр, які мы зараз маем. І ці можна патрабаваць ад вулічнага тэатра нешта такое, чаго збольшага няма ў нашым тэатры? Ну, напрыклад, пратэстнасці?

Можна ўзяць старажытныя прыклады, калі вандроўныя тэатральныя групы выступалі пры каралеўскіх дварах, а на нашых землях мелі апекунамі славутых магнатаў, якія адкрывалі цэлыя тэатральныя акадэміі. Тэатральныя людзі заўсёды ўмелі канфліктаваць з уладамі, але яшчэ лепш умелі сябраваць. Асноўны тэатральны канфлікт сярэднявечча — канфлікт тэатра і царквы, ён у той ці іншай ступені праяўляўся і ў Італіі, і ў Англіі, і ў Расіі. Але збольшага канфлікт, у прыватнасці, праваслаўнай царквы са скамарохамі сёння выглядае барацьбой за публічную прастору паміж новай рэлігіяй і старой. Хросны ход супраць купалля, хрэсьбіны супраць карагоду.

Ды і ў новыя часы вулічны тэатр ідзе поплеч з уладамі. Вулічныя спектаклі ТРАМаў, фашысцкія факельныя шэсці паўплывалі на сучасную культуру не менш пратэстных студэнцкіх хэпінінгаў 60-х.

Хочацца паразважаць пра іншае.

Тэатр заўсёды быў публічнай прасторай. У адрозненне, напрыклад, ад музеяў, самыя вялікія з якіх былі прыватнымі палацамі, тэатр з часоў антычнасці ладзілі на плошчах ці на форумах для вялікіх гуртоў народу. Тэатру прынцыпова патрэбны назіральнік, відавочца. І прынцыповае адрозненне сучаснага вулічнага тэатра ад старажытнага ў тым, што зараз мы маем на ўвазе мінака, непадрыхтаванага гледача, прынцыпова нетэатральнага чалавека. І адрозненне тут, на мой погляд, таксама зваротнае: раней такімі мінакамі былі ўсе, а цяпер з'явіўся слой «прафесійнай» абазнанай публікі, ад якой тэатру вельмі цяжка адмовіцца.

Цікавую заўвагу ў адным інтэрв'ю зрабіў Вячаслаў Іназемцаў. Чаму акцёры старажытнага тэатра імкнуліся да такіх экстравагантных касцюмаў, хадуляў, грыму? Каб вылучацца з натоўпу, каб пазначаць сябе як нешта выбітнае, незвычайнае. І гэта зыходны пасыл для любой камунікацыі: нам ёсць што сказаць, адбылося нешта незвычайнае!..

Спектаклям часта бракуе ідэйнай змястоўнасці, і гэта праблема ўжо не толькі вулічных тэатраў, а ўвогуле беларускага тэатра. І нават шырэй — грамадства. Вельмі часта менавіта гэтае адчуванне застаецца ад большасці медыйных скандалаў у беларускім грамадстве. Адчуванненазойлівай самапрэзентацыі.

Па шчырасці, далёка не ўсе вулічныя тэатральныя праекты выклікаюць цікавасць, і прычына менавіта ў тым, што яны абмяжоўваюцца самім фактам сваёй «вулічнасці».

Можаце лічыць гэта за такую самую самапрэзентацыю :) — але хачу расказаць пра свой уласны досвед вулічнага тэатральнага праекту ў супрацы з тэатрам KUD Ljud. Праект «Галерея Streetwalker» меў на мэце звярнуць увагу шараговых мінакоў на наваколле, паказаць свой горад як аб'ект сучаснага мастацтва. Гэта быў эксперымент, бо падавалася, што заходнія гледачы-ўдзельнікі такіх праектаў больш абазнаныя ў тэндэнцыях contemporary-art, а ў нас гэта можа не спрацаваць. Але высветлілася, што іранічная гульнявая форма вельмі лёгка заваблівае да гульні нават зусім «простых» мінчукоў. І што сталічным жыхарам сапраўды цікавы ўласны горад і яны гатовыя пра гэта размаўляць.

Тэатр будуе грамадскі дыялог. У тэатральным будынку і на вуліцы ён робіць гэта па-рознаму, але асноўнае менавіта ў размове.

Ад артыста патрабуецца шчырая зацікаўленасць у тэме і ў выніках гэтай размовы. Я думаю, што вулічны тэатр пры такіх умовах стане для Беларусі вельмі карыснай з'явай.

ЧТО ЗНАЧИТ ПАРТИСИПАЦИЯ ДЛЯ ГОРОДСКОЙ СОБЫТИЙНОСТИ?

Прошло уже больше года после фестиваля «На Грушевке», но это событие все еще остается единственным в своем роде для Минска. Фестиваль наметил тренд среди городских инициатив на работу с горожанами, продвигая идею низового участия последних в развитии городских пространств. В теории архитектуры и социальных науках участие жителей в производстве городских пространств и управлении городом обозначается как «партисипация». В этой статье пойдет речь о ее методах и значении на примерах городского активизма Минска.

ПОЧЕМУ ПАРТИСИПАЦИЯ?

Говоря о городе, удобном для всех, городе, удобном для жизни, в постоянном поиске компромиссов существует риск отойти от отстаивания интересов рядовых горожан, лишенных доступа к ресурсам в сторону адвокатирования интересов узких групп людей и крупных компаний.

Эта проблема особенно остро стоит перед активистскими инициативами стран Европейского союза и Северной Америки, где часто вместо того, чтобы отстаивать декларируемые цели, сторонники городских инноваций (неосознанно?), затрачивая значительные суммы на инфраструктурные проекты и мега-события, предоставляют очередную (незанятую) нишу, готовую для освоения, крупным коммерческим игрокам. Этими игроками являются компании-застройщики (часто в случае джентрификации городского пространства как побочного эффекта улучшения городской среды), компании-производители высокотехнологичной электроники и ПО (что происходит в случае адаптации идеи «smart-city»[1]).

При таком положении дел город не становится удобнее и справедливее для всех, а, скорее, позволяет небольшим группам людей перераспределять городские ресурсы в свою пользу. И с каждым новым витком «урбанистической моды» происходит осваивание новых ниш глобализированным капиталом, который перерабатывает и видоизменяет городскую среду, реализуя товары и услуги, выставленные им же на глобальный рынок.

Для того, чтобы не попасть в эту ловушку, стоит ответить на вопрос, для кого создается этот город. Для крупного бизнеса или небольших инициатив? Для общения и коммуникации или для потребления? Для автомобилистов или для велосипеда и пеших прогулок? Для (само-) репрезентации институтов власти или для рядовых горожан, не обладающих поодиночке значимыми властными ресурсами?

По-хорошему, городские инициативы не должны выполнять обязанности местных органов власти, если эта активность выступает в качестве самоцели: благоустраивать двор, красить скамейки, убирать мусор, ремонтировать дороги. Необходимость делать это с помощью организованных групп городских активистов, а не руками заинтересованных местных жителей и уполномоченного ЖЭСа указывает лишь на плохую работу выстроенной системы власти, исправлять механизмы которой и ликвидировать сбои — задача, на самом деле, самих функционеров.

Для менее развитой и весьма специфической рыночной экономики Беларуси эта проблема может показаться надуманной, но в случае ускоренного развития неолиберальных реформ она рискует приобрести актуальность. В случае Минска первыми симптомами подобных трансформаций стали инфраструктурные изменения, связанные с проведением чемпионата Мира по хоккею в 2014 г., когда за короткий строк Минск погрузился в соревнование за перераспределение глобальных потоков капитала. При этом жертвуя не только денежными средствами, но и ценными участками городской среды, в первую очередь – водно-зеленого диаметра (здание первой электростанции и часть парка Горького; парк имени 40-летия Октября, зеленая зона рядом с футбольным манежем и др.).

В этих процессах городские инициативы не приняли активной роли. Публично ни урбанисты, ни экологи не реагировали активно на эти изменения, и их позиция осталась незамеченной. Впрочем, также, как и сами изменения, принесенные этим спортивным мега-событием, имеющим все атрибуты официального праздника, растянувшегося на месяц.

/ АВТОР:
АНДРЕЙ КАРПЕКА /

ЧТО ДЛЯ ВАС ПРАЗДНИК?
Это, прежде всего, повод для коммуникации, дискуссии на заданную тему. Хорошо, если для этого предусмотрена непринужденная обстановка. Во-вторых, праздик для меня это штука репрезентационная — ситуация, когда двору/городу/стране/миру сообщается/демонстрируется какое-либо достижение. Отлично, если повод хорош, но первый вариант мне симпатичнее.

КАКИХ ПРАЗДНИКОВ/СОБЫТИЙ НЕ ХВАТАЕТ ВАШЕМУ ГОРОДУ?
Небольших, не требующих значительных материальных ресурсов, локальных. Праздников, в которых есть место альтернативным репрезентациям, и которые посвящены чему-то, все-таки, актуальному — тому, с чем знакомо лично наше и/или предыдущее поколение.

БЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕЛАРУСКИХ ПРАЗДНИКАХ? ПОЧЕМУ?
Для меня официальные праздники — это, в первую очередь, прекрасный культурный срез, с которого можно считать основные характеристики существующего порядка. Тем не менее, за происходящим я предпочитаю наблюдать стоя на внешней стороне милицейских ограждений.

Только будучи осознанно превращенной в инструмент, подобная активность способна привнести значимые изменения в городской социальный/политический/экономический ландшафт. Участие жителей, будучи организованным в таком ключе, ценно не только само по себе, но может выступить также и в качестве своеобразной подушки безопасности, не дающей отступиться от идеи права на город[2].

ВРЕМЕННАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ/ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МАРКЕТИНГ

Феномен партисипации — участия жителей в производстве городских пространств — кажется не столько инструментом формирования дружественной городской среды, сколько необходимым условием функционирования демократических институтов. Недостаточно просто учитывать интересы горожан: в условиях перманентного кризиса репрезентативной власти этот механизм не работает — необходимо прямое участие в принятии решений и их осуществлении, что кажется наиболее вероятным как раз на локальном уровне. В первую очередь речь идет об инициативах снизу, призванных своими силами решать локальные городские проблемы путем вовлечения и кооперации между различными факторами.

В случае Минска это, как правило, проблемы инфраструктурного характера. Но группы активистов концентрируются также и на взаимодействии с такими социальными проблемами, как отчуждение и разобщенность горожан, их недостаточная организованность/мотивированность к коллективному действию. Среди наиболее значимых и уже реализованных примеров, задающих общее направление городского активизма, можно назвать фест «На Грушевке», проекты школы Супергероев «Арт-субботник и Арт-майовка в Тучинском сквере», «Маевка в Осмоловке», воркшоп «Альтернативный двор» (автономная группа архитекторов «Бульдозер» в рамках проекта 'co-urbanism' Минской урбанистической платформы).

Каждый из этих проектов по-своему **интегрирует** горожан в совместное действие, и партисипация происходит на разных уровнях.

Уникальность феста «На Грушевке» заключается в том, что даже будучи организованным группой активистов, он вовлекал местных жителей на самых ранних этапах: начиная с аккумуляции идей для фестиваля, сбора средств, заканчивая непосредственной организацией мероприятия, выступлениями местных жителей и т.д.

Этот фестиваль послужил также местом для альтернативных репрезентаций: в его рамках различным группам городских активистов и инициативам была предоставлена возможность представить свою деятельность, что было бы совершенно невозможно на официальных праздниках.

Позднее, в рамках проектов школы Супергероев, можно было проследить тенденцию к такого рода взаимодействию с горожанами, но значимого вовлечения жителей в непосредственную организацию мероприятий не происходило. Вопрос заключается в том, каким образом одиночное либо двукратное событие может помочь достижению поставленных целей. И, если поставить вопрос ребром, не является ли пиар коммерческих компаний, поддерживающих эти инициативы, эффективнее самих проектов, направленных на укрепление добрососедских отношений?

Чтобы дать однозначный ответ, понадобится еще много времени для эволюции местного бизнеса и городских инициатив. Понадобится много времени для того, чтобы играть на большие ставки, что в существующих структурных условиях кажется затруднительным. Тем не менее, куда более значимым эффектом этих проектов становится привлечение внимания общественности к определенным местам, которые позиционируются организаторами как представляющие некоторую ценность.

Для тех горожан, которые принимали непосредственное участие в событиях проектов школы Супергероев и феста «На Грушевке», особое значение имел необычный опыт, который они могли там получить[3]. Если рассматривать концептуальную схему, то этот опыт может иметь эмоциональное и символическое измерение, которое впоследствии будет ассоциироваться с конкретным местом, в котором опыт был получен.

По этой причине фестивали и другие особые события могут быть использованы как часть стратегий регенерации и репозиционирования городских пространств, что, в свою очередь, создает экономические выгоды для разного рода бизнеса. Публичность, производимая этими событиями, может быть также использована для маркетинга и продвижения территорий для возможных застройщиков и инвесторов[4], что, в случае недостаточной роли и слабого участия местных жителей, может впоследствии вылиться в их протесты.

Становление и развитие низовой событийной инфраструктуры Минска, ввиду неясно обозначенных и преследуемых целей, находится в зоне риска и может сделать крен в сторону маркетинга места. Само по себе это не однозначно негативное явление — будучи инструментализированным, однократное событие работает на привлечение внимания, но едва ли послужит реальной мотивацией для жителей и будет способно активизировать культурную/социальную среду.

Уровень социальной значимости городского активизма, в случае обозначенных примеров, в большой степени зависит от порядка, согласно которому происходит включение жителей в организацию и различные активности. При этом не последнее значение при достижении социальных целей играет продолжительность связанных с событийной инфраструктурой активностей, в которые вовлечены горожане.

Минскому активизму предстоит пройти еще долгую дорогу для того, чтобы осознанно взаимодействовать с городским пространством, отдавая отчет о социальных, экономических, политических эффектах от производимых действий. Вторгаясь в городское пространство, социальную и культурную повседневность города, активист/ка — источник изменений и/или внешний интервент. В то время как изменения, которые имеют действительно долгосрочный эффект, привносятся и поддерживаются самими жителями.

Источники:

1/ *KITCHIN, R.* The Real-Time City? Big Data and Smart Urbanism [онлайн]. Доступ: https://goo.gl/TcS1XO

2/ Больше информации о концепции права на город во втором номере Городских тактик: http://urbanist.by/tactics

3/ Проект «Маёвка в Осмоловке» [онлайн]. Доступ: http://goo.gl/i3IGk6

4/ MORGAN, M. Festival Spaces and the Visitor Experience [онлайн]. Доступ: http://goo.gl/kHokWW

В ПОИСКЕ МЕСТА: РЕТРОСПЕКТИВА ГЕЙ-ПРАЙДА В МИНСКЕ

Беларусь — страна, которая впервые на постсоветском пространстве провела серию правозащитных акций в поддержку ЛГБТК. В этой статье речь пойдет, пожалуй, о самой популярной разновидности подобных мероприятий — гей-прайдах — правозащитных мероприятиях в поддержку толерантного отношения к ЛГБТК.

Форма проведения гей-прайда в зависимости от контекста может сильно различаться. Если во многих странах западного мира прайд прижился как политическое действие в форме карнавала, в беларуских реалиях изначальная форма прайда-праздника сильно изменилась. Со временем аналогичную трансформацию можно было наблюдать и в ряде других стран, где из-за высокой вероятности насилия прайд, согласованный с властями в центре города, проходит с усиленной охраной внутри оцепленного силовиками пространства.

Первый в Беларуси прайд-фестиваль прошел в Минске в 1999 г. Тогда в мероприятиях «Belarus Gay Pride 1999» — семинарах, выставках и конференции — приняло участие около 500 человек. Через два года, в 2001 г., в центре Минска прошло первое в истории страны прайд-шествие, в котором приняло участие по разным сведениям от 500 до 2000 человек.

Люди в ярких карнавальных костюмах под радужными флагами прошествовали по проспекту Независимости (тогда Скорины) от здания Цирка до Паниковского сквера на Октябрьской площади. Несмотря на то, что акция была несанкционированной, она прошла без значительных инцидентов. Сами организаторы подчеркивали праздничный характер мероприятия и называли его «парадом любви». В тот же день, позднее, состоялось карнавальное шоу травести-артистов[1] под лозунгом **«Мы выбираем любовь!»**.

Отрывок из статьи «ПАРАД ЛЮБВИ. Накануне выборов» (Белгазета № 35, 2001 г.):

«Вечером возле цирка начала собираться молодежь. Причем весьма разная. Двое парней (как они сказали: "Мы — с Ангарской") случайно проходили мимо и решили остановиться. Парни с улицы Ангарской слышали, что love-парады проводятся во многих европейских странах, и несмотря на то, что любят женщин, решили поучаствовать. Еще двое молодых людей в костюмах и галстуках заметили, что "они" ничем не отличаются от "нас" и "почему бы нам не собраться вместе". "В нашей стране слишком мало праздников, — сказали лидеры Федерации анархистов Беларуси, — их нужно создавать себе самим. Наш лозунг — праздник каждый день!" Под оглушительный свист (участникам раздавали свистки) и стук барабанов развернули разноцветное знамя. После этого процессия в несколько сотен человек двинулась по проспекту. Очевидно, со стороны зрелище было эффектным, ярким и праздничным, поскольку прохожие останавливались, с улыбками смотрели на счастливую молодежь, а некоторые присоединялись к колонне. Толпа без каких-либо инцидентов прошла по проспекту и завернула в сквер возле театра им. Я.Купалы. И тут стала подтягиваться милиция с радиотелефонами в руках. "Что делают, что делают, — с досадой говорил в рацию страж порядка, — танцуют!" (...) Цель достигнута, love-парад состоялся. Голубая и розовая, черная и белая молодежь прошла по проспекту, заявив о своем праве свободно любить независимо от цвета, времени и политической власти».

/ *АВТОР:*
НАСТА МАНЦЕВИЧ /

ЧТО ДЛЯ ВАС ПРАЗДНИК?
Вообще, я больше люблю будни, чем праздники, когда важные вещи случаются каждый день и в мелочах, только нужно их рассмотреть. Праздник же — это что-то противоположное, концентрированная радость и веселье. Что-то яркое, веселое, беззаботное, и конечно, когда рядом есть люди, с которыми это все можно разделить.

КАКИХ ПРАЗДНИКОВ/СОБЫТИЙ НЕ ХВАТАЕТ ВАШЕМУ ГОРОДУ?
Транс* фестиваля

БЫВАЕТЕ ЛИ ВЫ НА ОФИЦИАЛЬНЫХ БЕЛАРУСКИХ ПРАЗДНИКАХ? ПОЧЕМУ?
Нет, не чувствую и не считаю эти праздники своими.

Сегодня сложно поверить, что когда-то в Минске было возможно провести мероприятие, напоминающее скорее торжественное карнавальное шествие и шоу, а не правозащитную акцию, проводимую в сложных, гомофобных условиях (какими были все последующие попытки организации гей-прайдов в Минске). Т.е. этот безусловно интересный опыт стал всего лишь исключением.

Уже в следующем году организатор третьего беларуского прайд-фестиваля Эдвард Тарлецкий делает упор на политический характер мероприятия. Фестиваль 2002 г. проходит под лозунгом: **«Сотвори себе другого».** В отличие от прошлого года, в его программе не прайд-шествие по улицам Минска, а интервью СМИ. Эдвард Тарлецкий озвучивает намерение «сделать беларуских геев и лесбиянок более политизированными»:

«Мы заметили по опыту прошлого года, что журналистов наиболее интересуют те транссексуалы, которые идут впереди, однако это совсем не то, на что действительно нужно обращать внимание. Есть такая идея: нужно объединить геевские и лесбийские группы страны, чтобы провести уличную акцию с политическими требованиями. Мы предлагаем обществу рассматривать человека, не похожего на других не как врага, а как полноправного члена общества. Для нас главное — сделать жизнь лесбиянок, геев и бисексуалов в Беларуси более свободной и безопасной».

ПРАЙД ≠ ПАРАД

Поскольку в беларуском контексте ЛГБТК-активизм осуществляется в условиях, отличных от условий стран западной Европы, соответственно, и гей-прайд здесь — не торжественное карнавальное шествие, а правозащитная акция в поддержку толерантного отношения к ЛГБТК, основной идеей которой является соблюдение прав человека.

Очевидно, что для такой идеи слово «парад» не подходит по смыслу. Это не развлекательное мероприятие, в акциях практически отсутствует элемент празднования. Если участники прайда в Западной Европе танцуют на улице, то в Беларуси особое внимание уделяется защите от гомофобов, а в тех случаях, когда прайды запрещены, — и от милиции.

За 13-летнюю историю организации прайдов в нашей стране только однажды — в 2011 г. — было получено официальное разрешение на проведение пикета против гомофобии.

Все остальные заявки на проведение собраний, шествий, пикетов либо других мероприятий в Минске и регионах были отклонены. Подготовка акции, как правило, проходит в условиях строжайшей секретности.

ЕСЛИ РАССМАТРИВАТЬ ПРОВЕДЕНИЕ ПРАЙДА КАК ПОПЫТКУ ДОНЕСЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОГО СООБЩЕНИЯ, МОЖЕТ ЛИ ОН БЫТЬ ЭФФЕКТИВНЫМ В БЕЛАРУСИ?

Во многих странах гей-прайды вызывают общественные и политические конфликты. В 2009 г. в Белграде представители ультраправых организаций во время гей-прайда устроили массовые погромы в столице Сербии. В России на фоне борьбы с «пропагандой гомосексуализма» ЛГБТК-сообщество фактически лишено возможности проводить легальные демонстрации. Аналогичная ситуация и в Беларуси, где распространено отношение к прайду как к «западной угрозе», а ЛГБТК-сообщество упрекают в публичной «демонстрации» своих «пороков». Иными словами, ЛГБТК-активизм воспринимается не как проявление важного процесса эмансипации общества от прежних ограничений, а как нечто, демонстрирующее деградацию и упадок.[2]

Особенностью беларуского контекста является также то, что «парады» представителей ЛГБТК (как и сама по себе необходимость защиты их/наших прав) вызывают протесты в том числе у оппозиции. В лучшем случае этих вопросов просто нет в повестке оппозиционных партий, в худшем — отношение к ним резко отрицательное. Более того, то же касается правозащитников.[3]

***

Вернемся к истории проведения гей-прайдов в Беларуси. В 2000 г., во время второго прайд-фестиваля «Belarus Gay Pride 2000», который прошел под лозунгом «Равенство для всех!», были сорваны либо запрещены большинство запланированных мероприятий — в том числе и прайд-марш. Открытие фестиваля в клубе «Аквариум» было прервано, в разгар мероприятия в помещении выключили свет и вывели людей на улицу.

Отрывок из статьи «ВЫКЛЮЧИЛИ СВЕТ. Пока только для геев» (Белгазета, № 35 2000 г.)

«Как все просто — достаточно нажать на рубильник, и чужой, непонятный праздник прекратится, неправильные песни смолкнут. Сегодня выключим свет для фестиваля независимой прессы, проводить который отказались без объяснения причин витебские власти, завтра — выставим на улицу геев. Чем меньше света, тем лучше — в темноте ведь можно делать все, что угодно, безнаказанно и бесконтрольно.
В стране наступила ночь — пока только для геев. Завтра свет выключат для кого-то еще. Достаточно нажать на рубильник».

МИНСКИЙ ГЕЙ-ПРАЙД 2008

После 6-летнего перерыва в Минске впервые состоялось действие, которому его организаторы дали название гей-прайд. Это была единичная акция. 11 октября 2008 г. ЛГБТК-активисты провели акцию в форме шествия, девизом которого стал лозунг **«Уметь быть! Уметь любить! Уметь гордиться!»**. Около 30 человек прошли с радужными флагами по тротуару от площади Я. Коласа и — как и в 2001 г. — закончили шествие в Паниковском сквере на Октябрьской площади. Акция длилась около часа. Возможно, благодаря полному отсутствию информации о планируемом шествии не возникло никаких проблем ни с милицией, ни с гомофобами.

Одна из участниц мероприятия сравнила его с тщательно спланированным спектаклем, «идеальной моделью гей-прайда».

Марына: «Хутчэй за ўсе на сапраўдным прайдзе, які нас чакае, усё будзе не так добра спланавана, людзі будуць ісці не так зладжана, і прайд абернецца вялікай колькасцю сюрпрызаў — прыемных ці не, але сапраўдных. Спадзяемся, цудоўная п’еса, напісаная і пастаўленая Сяргеем Андросенкам 11 кастрычніка 2008 г., з цягам часу ператворыцца ў сапраўднае, хаатычнае жыццё».[4]

СЛАВЯНСКИЙ ГЕЙ-ПРАЙД 2010

Несмотря на очередной запрет, 15 мая 2010 г. в Минске состоялось шествие «Славянского гей-прайда 2010», участие в котором приняли около 30 активистов из России и Беларуси. В руках у демонстрантов был 12-метровый флаг. Участники прошли около 400 метров по улице Сурганова, остановились, развернули флаги, стали скандировать: **«Гомофобия — это болезнь!», «Гей-равноправие без компромисов!», «Беларусь без гомофобии!».** После короткого митинга участники шествия прошли еще около 150 метров, после чего спецназ жестко их разогнал, отобрал флаг и избил некоторых участников акции. Несколько человек были задержаны.

Мероприятие имело закрытый характер, информация о его проведении распространялась по внутренним каналам, и — как результат, — кроме активистов ЛГБТК-движения о месте проведения шествия знали только журналисты (акцию освещало около 30 журналистов). Во время акции произошел известный инцидент с участием журналиста «БелаПАН» Василия Семашко, который, воспользовавшись своими привилегиями журналиста, пришел на акцию с коробкой яиц, чтобы выразить свой протест против гей-прайда и его участников.

ГЕЙ-ПРАЙД В ШАБАНАХ: «ГЕИ ПРОЙДУТ 50, 100 МЕТРОВ, 200 ПО ГОРОДУ, ОТ ЭТОГО НИЧЕГО НЕ СЛУЧИТСЯ. ВСЕ ЖИВЫ».

В 2011 г. следующий гей-прайд прошел на окраине Минска, в районе Шабаны. В шествии приняло участие 15 человек, которые прошли 200 метров по улице Силицкого под радужными флагами, выкрикивая лозунги: **«Геи — это нормально!», «Быть геем — это нормально!», «Прайд — нормально!».** Акция длилась около 10 минут. После окончания шествия активисты запустили в небо 20-метровый радужный флаг.

Изначально шествие планировалось провести в микрорайоне Сосны, но, несмотря на то, что заявленный маршрут пролегал далеко от центра в малолюдном месте, городские власти посчитали, что публичную акцию ЛГБТК-сообщества следует запретить, сославшись при этом на близость объектов «жизнедеятельности населения» и возможные «помехи движению пешеходов и транспорта». Интересно, что незадолго до этого по теме высказался и глава государства, заявив, что он бы «не запрещал» («Я б не запрещал, где-нибудь на окраине города, на диво людям, показали б народу, что есть»).

«Городские власти запретили проведение мирного шествия гей-прайда в Соснах. Мы решили провести его тогда чуть ближе к Минску. Ничего плохого мы не хотим сделать. Мы хотим пройти шествием по окраине города, как хотели в Соснах. Просто потому, что мы не стесняемся себя, хотим быть равноправными. Геи пройдут 50, 100 метров, 200 по городу, от этого ничего не случится. Все живы».
(**Сергей Андросенко,** организатор Минского гей-прайда 2011)

Как и во время предыдущих мероприятий гей-прайда, в целях безопасности организация шествия проходила в атмосфере строгой секретности. Организаторы до последнего не называли место проведения акции, а сами участники добирались до места разными маршрутами. Журналистам также пришлось приложить большие усилия, чтобы попасть на это событие. Для того, чтобы не раскрыть местоположение шествия заранее, организаторы на такси объезжали одну точку за другой и забирали журналистов по всему городу. Выразить свою позицию и поучаствовать в мероприятии, если ты не журналист или не активист, было практически невозможно.

ПРАЙД-ТРАМВАЙ

Наконец, последняя публичная акция, получившая название «прайд», прошла в 2012 г. Территориально она затронула наибольшую часть города за всю историю гей-прайдов в Минске. Тем не менее, непосредственного взаимодействия участников с городским пространством не произошло.

Около 15 активистов Минского гей-прайда 2012 проехали через весь город в трамвае с плакатами, радужными флагами и шарами. Акция не была привязана к какой-то конкретной точке, а растянулась практически на весь город (по всему маршруту следования трамвая, от Зеленого Луга до железнодорожного вокзала). Так, с музыкой, танцами и лозунгами «**Любовь — это не то чувство, которое нужно прятать»** ЛГБТК-активисты проехали через весь город, туда и обратно.

«Мингорисполком запретил нам проводить парад в другой форме, и мы не видим иной возможности для самовыражения. Мы хотим подарить городу немного радости. На самом деле, многие люди улыбались, приветствовали нас. Я думаю, что многим это запомнится».
(**Наталья Маньковская,** организаторка Минского гей-прайда 2012)

В следующем, 2013 г., активисты решили не проводить прайд-шествия, а вывесили 5-метровый радужный флаг на мосту над трассой М1, протестуя таким образом против запрета на проведение публичных акций в поддержку прав ЛГБТК. Все остальные мероприятия прайда в этом году прошли под лозунгом **«Мы есть!».**

***

Обобщая опыт последних лет, можно выделить несколько характерных черт, которые в той или иной степени сопровождали все прайд-мероприятия в Минске. Как уже упоминалось выше, за весь этот период, начиная с 1999 г., всего одна акция в поддержку ЛГБТК была разрешена городскими властями, и это не было прайд-шествие. Как правило, акции проходили спонтанно и неожиданно для города. Часто никто, кроме самих участников и журналистов (которые получали информацию в последний момент), не знал о времени и месте проведения акции или шествия.

Не раз местом акции становились окраины города, а проведение шествий занимало не более 10 минут: они начинались внезапно и так же быстро сворачивались.

Если же акция либо шествие занимали чуть больше времени и пространства, все заканчивалось жесткими задержаниями.

Делались попытки использовать городское пространство в интересном и необычном ключе (пример с прайдом в трамвае), но, на мой взгляд, этот опыт не был удачным. Более того, он очень наглядно продемонстрировал те сложности, которые испытывают ЛГБТК-активисты, пытаясь донести определенное сообщение, а также наличие сбоя в цепочке «сообщение–код–получатель–интерпретация». На примере конкретного события мы видим очевидное разделение участников акции (которые находятся внутри трамвая) и городского пространства вместе с его жителями (которые наблюдают за действием через стекла трамвая с противоположной стороны). Интересные ощущения остаются после просмотра журналистского видео (когда благодаря оператору мы

можем побывать сразу с обеих сторон). Когда камера находится внутри, и мы слышим музыку и песни, нам «понятно» происходящее, мы можем присоединиться и начинать двигаться в такт, также нашему слуху доступны разговоры между участниками акции. Как только камера перемещается за пределы трамвая, мы перестаем слышать какие-либо звуки, все, что нам доступно, — это картинка с двигающимися людьми — отсюда появляется ощущение нелепости и «непонимания» происходящего.

Таким образом, обратив внимание на географию и формы проведения прайдов в Беларуси, можно сделать вывод, что

гей-прайды остаются маргинальными событиями и не интегрируются в общее городское пространство. Как результат, отсутствует возможность вписать его в общий городской календарь,

поскольку для распространения информации о событии заведомо используются закрытые каналы, что в итоге приводит к невозможности восприятия горожанами этого мероприятия как какого-то общего городского события.

Если рассматривать проведение прайда как попытку донести определенное сообщение до жителей города, отсутствие открытых каналов распространения информации приводит к тому, что происходит сбой в прочитывании этого сообщения. Горожане в большинстве своем не имеют инструментов для прочтения данного культурного кода, а значит, не имеют и возможности получить информацию: она доходит до них лишь в виде «шума» (в зависимости от того, как событие будет освещено в прессе). Как результат, невозможность получения сообщения приводит к тому, что не может быть и адекватного ответа на это сообщение. Говоря о наличии сбоя в цепочке «сообщение–код–получатель–интерпретация», мы понимаем пространство города как своего рода медиа, средство массовой коммуникации, с помощью которого можно передавать и получать сообщения (с искажением или без). Контроль над медиа принадлежит государству и осуществляется посредством полиции. В таком случае, возможно, прайд-шествие в наших условиях — это не самая подходящая тактика? Возникает вопрос: каким образом возможно этот контроль обходить? Примером такой попытки был прайд в трамвае, но можем ли мы продумать другие возможные политические стратегии, что-то еще, что было бы эффективным? Или же прайд — это пока единственный способ достучаться до общества?

1/ ***Травестѝ*** (от итал. travestire — переодевать) — театральное амплуа, требующее исполнения соответственно переодетым актером роли лица другого пола; часто взрослая актриса, исполняющая роли мальчиков, подростков, девочек, а также роли, требующие переодевания женщин в мужской костюм.

ИСТОЧНИКИ:

2/ *БРАТОЧКИН, А.* ЛГБТ-активизм и беларуское общество. Квир-сексуальность: политики и практики [анлайн]. Доступ: http://goo.gl/zvD0yI

3/ *Лябедзька:* «Гей-прайд?! А мы пры чым?!» [анлайн]. Доступ: http://goo.gl/25uqt6l

4/ Парад Гонару — 2008 у Менску самі ўдзельнікі лічаць удалым [анлайн]. Доступ: http://goo.gl/RYqMA8

ОТЧЕТ ПЛАТФОРМЫ

Выставка «Картографируя критические городские инициативы: LT + BY»

Описание проекта «Co-urbanism»: http://urbanist.by/?p=1453

Минский фестиваль урбанистики: http://urbanist.by/?cat=53

Выставка «Картографируя критические городские инициативы LT+BY»

Фестиваль показался удачной формой для того, чтобы представить разнообразие существующих инициатив и проектов, взаимодействующих с городским пространством. Обращаясь к этому формату, в ноябре 2014 г. Минская урбанистическая платформа провела Фестиваль урбанистики, который сыграл роль открытой площадки для публичного высказывания на актуальные и проблемные для города вопросы. У аудитории была возможность познакомиться с существующими инициативами, организациями и проектами в Минске и других городах Беларуси, Украины, Польши и Австрии.

Одним из таких высказываний стала выставка городских инициатив, в рамках которой была совершена попытка систематизации и последующего картографирования методов работы с городским пространством. Тринадцать инициатив из Беларуси и Литвы прислали свои профайлы для участия в выставке, предоставив ценную информацию как о функционировании городских движений в целом, так и о контексте, в котором они происходят. На карту было нанесено также проблемное поле, с которым взаимодействуют городские инициативы, что позволило выявить параллели и различия беларуского и литовского урбанистических контекстов.

Вильнюс, Каунас и Минск — объединяет их общее социалистическое прошлое со специфическими ценностными и экономическими установками, повлиявшими и на материальную, архитектурную среду города. Но в то время, как основными проблемными вопросами для городских инициатив в Литве представляются пустующие городские пространства (в том числе и созданные в эпоху советского модернизма), а также неразвитые местные сообщества, инициативы в Минске сосредоточены на предоставлении актуального знания о городе и работают в большей степени не с физическим пространством города, а онлайн.

На основе полученных профайлов можно сделать и другие выводы, что кажется ценным для городских активистов и исследователей. Исходя из этого, а также из озвученных во время выставки предложений, урбанистическая платформа решила продолжить работу в этом направлении и трансформировать выставку для онлайн формата.

В ближайшее время на сайте Urbanist.by станет доступным раздел с картой инициатив, на которой можно будет найти информацию об активных городских движениях в Беларуси и Литве, их контакты, а также узнать об используемых ими инструментах работы с городом и о спектре городских проблем. Это станет возможным в рамках проекта кооперативного урбанизма «Co-urbanism», осуществляемого вместе с нашими литовскими коллегами и партнерами из Laimikis.lt.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие

Редакторская группа:
Андрей Карпека
Елена Птичка
Змицер Гаврусик
Никита Потапенко

Иллюстрации:
Констанция Калинушкина

Фотографии:
Оля Сосновская,
День Независимости
(Минск, 2013-2014)

Дизайн обложки:
Анна Проценко

Верстка:
Юлия Янюк

Тираж:
299 экземпляров
Напечатано на собственной технике
Распространяется бесплатно

Минск, 2015

www.urbanist.by
minskurban@gmail.com

